

КАМИЛЛА ГРЕБЕ ОЦЕПЕНЕНИЕ

18+

ПСИХОЛОГИЧЕСКИ ТОНКАЯ И ГЛУБОКО ВОЛНУЮЩАЯ КНИГА.
БЬОРН СТЕНБЕРГ, UPSALA NEW JOURNAL

Камилла Гребе

Оцепенение

Серия «Триллер по-скандинавски»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51076508

Оцепенение : [роман] / Камилла Гребе: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-113531-7

Аннотация

Восемнадцатилетний обаятельный Самуэль Стенберг нечаянно срывает крупную сделку наркоторговцев и теперь вынужден скрываться.

Волею судеб Самуэль оказывается в тихом местечке на Стокгольмском архипелаге, где начинает ухаживать за прикованным к постели сыном-инвалидом в одной обеспеченной семье.

Вскоре в причудливом старом доме начинают происходить странные вещи. Однажды ночью Самуэль просыпается от громких звуков и криков. Вскоре к берегу прибывает тело молодого наркоторговца.

Полицейского Манфреда и его коллег вызывают на место происшествия.

Манфред Олссон, стараясь пережить семейную трагедию, с головой окунается в расследование. Через какое-то время в воде обнаруживают еще один труп. Расследование становится

все более сложным и запутанным, и Манфред не видит другого выхода, кроме как обратиться за помощью к бывшей коллеге, полицейскому психологу Ханне Лагерлинд-Шён.

Пытаясь раскрыть мрачную тайну, они выходят на след Самуэля. Только вот Самуэль куда-то пропал.

Манфреду Олссону предстоит раскрыть ледяные души преступлений, чтобы разоблачить зло, скрывающееся под маской добродетели...

«Оцепенение» – продолжение «Дневника моего исчезновения», лучшего шведского криминального романа 2017 года, права на экранизацию которого были куплены студией New Line Cinema.

Содержание

Манфред	6
Часть первая	13
Самуэль	13
Пернилла	33
Манфред	41
Самуэль	54
Манфред	63
Пернилла	74
Манфред	81
Самуэль	90
Пернилла	102
Манфред	108
Самуэль	116
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Гребе Камилла

Оцепенение

Посвящается Мари

«Забавно, что цвета и краски реального мира самыми что ни на есть настоящими кажутся только на экране».

Энтони Бёрджесс, «Заводной апельсин»

Манфред

Мы были самой обычной семьей. Это было самое обычное утро.

Такое, от которого не ждешь ничего особенного. Один из тех бессмысленных дней, на которые просто не обращаешь внимания, поскольку они не будут иметь никакого значения. Просто еще один день, который надо прожить, пережить. Собраться с силами и сделать, будто это бланк, который нужно заполнить и отправить по почте до пяти.

Афсанех встала первой дать Наде молочную смесь.

Я слышал ее шаги – легкие, осторожные – когда она на цыпочках шла по коридору на кухню. Словно под ногами у нее был не пол, а тонкий лед. Потом звон посуды, шум воды из крана, лязг поставленной на плиту кастрюли. И в конце – ритмичный стук ложкой по металлу, когда жена размешивала порошок в горячей воде.

С кровати, все еще теплой от тела Афсанех, я слышал, как Надя кашляет и всхлипывает в детской.

Звуки обычной семейной жизни: звуки моей молодой жены (наверное, слишком молодой для меня, как думают некоторые) и дочери. И тишина после трех старших детей, покинувших дом, и бывшей жены, съехавшей из квартиры весенним утром, похожим на это, с тяжелой сумкой, которую не стащила бы вниз, не будь она в бешенстве.

Но я не думал об этом тогда, когда сонный лежал в теплой постели. Только впоследствии все эти события обрели значение.

Только впоследствии житейские мелочи вырастают, отрачивают клыки и охотятся за тобой по ночам.

Это было самое обычное утро. И третья простуда Нади за три недели. Мы с Афсанех валились с ног от усталости после бессонных ночей, проведенных за уговорами нашей обожаемой, но капризной двухлетки.

Мы шутили, что Надя каждый раз превращается в младенца, когда болеет. Афсанех говорила, что мне грех жаловаться, ведь никто не заставлял меня против моей воли возиться с пеленками в таком почтенном возрасте (за пятьдесят).

Афсанех заглянула в спальню.

Одной рукой она поддерживала Надю на своем бедре. Чуть согнув колени, Афсанех выпрямилась и подтянула дочку выше, чтобы крепче держать. Полы халата разошлись, обнажив красивую грудь – грудь, которая вопреки всему стала моей.

Жена спросила, смогу ли я остаться дома и поухаживать за Надей, но я ответил, что должен съездить на работу в Управление. Полицейское управление находится на острове Кунгсхольмен в Стокгольме. Я там работаю уже более двадцати лет. У этого места много названий. Там я расследую убийства и другие тяжкие преступления. Там я сталкиваюсь

с темной стороной человечества, с различного рода девиациями, о которых другим людям знать не стоит.

Почему для меня это было так важно?

Пусть переубивают друг друга, думаю я. Пусть насилуют и избивают друг друга. Пусть наркотики текут рекой, пусть пригороды горят по ночам, как бенгальские огни. Я тут ни при чем.

Помню, как Афсанех вскинула брови, когда я сказал, что мне нужно на работу. Она напомнила, что сегодня день Вознесения Господня, и спросила, какие такие у меня важные дела в офисе. Потом терпеливо объяснила, что обещала встретиться со своими аспирантами и уже два раза напомнила мне об этом.

Так мы собачились с полчаса.

Мы ссорились из-за ухода за ребенком так, словно не было ничего важнее. Ссорились на автомате, без особого энтузиазма, как это делают множество семей самым обычным утром в нашей сытой и безопасной Швеции.

Когда Афсанех ушла на свою встречу, а в нашей большой кровати Надя уткнулась мне сопливым носиком в щеку, я чувствовал, что все разрешилось хорошо. Что бы я делал на работе? Мертвые подождут до завтра, а у большинства коллег все равно выходной.

Я плохо помню, что было потом, но думаю, что прибирался в доме. Колено адски болело, и я принял пару таблеток «Вольтарена». Может, тайком выкурил пару сигарет под

вытяжкой. Надя смотрела телевизор. Я увеличил громкость, чтобы заглушить шум дорожных работ за окном на улице Карлавэген.

Старшая дочь Альба позвонила из Парижа, чтобы занять денег. Я спокойно, но твердо объяснил, что ей нужно поговорить с матерью, потому что от меня она уже получила три тысячи крон в этом месяце, а ее брат и сестра, Александр и Стелла, не получили ничего, и это несправедливо.

Справедливость – какая странная концепция, думаю я теперь.

Под конец Наде надоело смотреть телевизор. Она все кричала и кричала, а я носил ее на руках по квартире в тщетной попытке унять плач. Лоб у нее был горячий, как огонь, и я дал малышке таблетку «Альведона», хотя знал, что Афсанех это не понравится. Из-за этого мы тоже ссорились. Афсанех считала, что детям можно давать лекарства только в исключительных случаях, когда их жизнь находится в опасности.

Может, «Альведон» подействовал, а может, бутерброд, но Надя успокоилась. Возможно, шум дорожных работ ее отвлек.

Я поставил ее на подоконник в гостиной, и Надя, как зачарованная, смотрела, как экскаватор копает дорогу тремя этажами ниже, время от времени облизывая перемазанные маслом от бутерброда и соплями губы. Мы поболтали о машинках, экскаваторах, грузовиках, мотоциклах и прочих транспортных средствах с мотором.

Наде нравилось все, что имело мотор и издавало шум, — это мы с Афсанех давно уже заметили.

Наверное, именно в тот момент из кафе позвонила Афсанех.

Я поставил бурно протестующую Надю на пол и вышел в прихожую, чтобы поговорить спокойно. Вся квартира буквально вибрировала от шума, издаваемого дорожными рабочими.

Афсанех спрашивала про самочувствие Нади, я ответил, что все в порядке, что она съела бутерброд и что вряд ли болезнь серьезная, раз она пьет и ест.

Про «Альведон» я, разумеется, не упоминал.

Положив трубку, я сразу почувствовал, что что-то не так. Воздух словно сгустился, стало трудно дышать, что не предвещало ничего хорошего. Секунду спустя мой мозг осознал, что заставило меня так реагировать. Точнее, *отсутствие* чего.

Было тихо.

Дорожные рабочие, судя по всему, сделали паузу. Слышно было только мое дыхание.

Я поспешил обратно в гостиную к Наде, но в комнате было пусто. Только соска лежала на полу в луже сока, рядом с горой игрушек, которую она построила утром.

Может, именно в тот момент во мне проснулась тревога, свойственный всем живым существам первобытный инстинкт защищать своего детеныша от угрозы.

В следующую секунду меня ослепил свет солнца, которого не должно было там быть по той простой причине, что окна гостиной всегда в тени.

Я повернулся к свету, прищурился и посмотрел на кухню. Окно было открыто, и стекло отражало солнце.

Внезапно все стало ясно: Афсанех вчера мыла окна. Должно быть, она забыла поставить защелку от детей. Но Надя же не могла залезть на подоконник и открыть окно. Да и *зачем* ей это делать?

В ту же секунду, как мозг сформулировал вопрос, я уже знал ответ: экскаватор, чертов экскаватор.

Я бросился к открытому окну.

Я бежал, потому что другого выбора у меня не было. Я бежал, потому что должен был, потому что так было нужно. Нельзя позволить своему ребенку умереть. Это то, чего просто нельзя допустить, пока ты жив.

Все что угодно, но только не это.

За окном солнечные блики играли в свежей зеленой листве, а внизу рабочие смотрели на меня пустыми глазами. Двое бежали к дому, вытянув вперед руки.

Надя свисала с подоконника и, что самое поразительное, не издавала ни звука – так молчат, как мне говорили, дети, когда тонут.

Ее крошечные пальчики цеплялись за край. Я бросился к ней, потому что это делаешь на автомате. Бросаешься за своим ребенком в огонь и воду.

Ради своего ребенка человек способен на все.

И я успел схватить ее за пальчики. Успел, но только для того, чтобы почувствовать, как, перепачканные маслом, они выскальзывают из моей хватки, как мокрое мыло.

Она упала.

Мой ребенок упал из окна, и я не мог ничего сделать.

Если бы я пришел секундой раньше, если бы я действовал быстрее в те секунды, когда время остановилось и тишина гремела у меня в ушах.

В другой жизни, в параллельной реальности, я мог бы ее спасти.

Но *моя* дочка упала.

Упала с третьего этажа, а я ничего не мог сделать.

Мы были обычной семьей.

Это было обычное, ничем не примечательное утро, после которого наша жизнь никогда уже не станет прежней.

Часть первая

Побег

И было слово Господне к Ионе, сыну Амафиину: встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедай в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня. И встал Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица Господня, и пришел в Иоптию, и нашел корабль, отправлявшийся в Фарсис, отдал плату за провоз и вошел в него, чтобы плыть с ними в Фарсис от лица Господа.

Иона. 1: 1-3

Самуэль

Мне понадобилось всего десять дней, чтобы испоганить свою жизнь.

Я смотрю в окно.

Из моей комнаты видно парковку и бывшую психбольницу Лонгбру, которую перестроили в дорожные квартиры.

На небе сгущаются темные тучи. Свежая зеленая листва сияет на фоне темно-лилового неба. Травка на газоне вокруг парковки ярко-зеленая, но для июня на улице адски холодно.

На кухне гремит тарелками мамаша.

Она меня уже достала. Постоянно нудит, что я должен ис-

кать работу, идти на биржу труда, разгрузить посудомоечную машину и так далее – без конца капает мне на мозг. Постоянно за меня переживает. И эта тревога передается и мне, влезает, как муравьи под кожу, отчего потом чешется все тело.

Ей никак не вбить в голову, что я уже не ребенок.

Месяц назад мне исполнилось восемнадцать, но она все равно кудахчет надо мной, как наседка, и следит за каждым моим шагом.

Словно больше ей нечем заняться.

Это доводит меня до белого каления.

Думаю, ей самой было бы намного лучше, если бы она оставила меня в покое и перестала тревожиться по пустякам. Она все время твердит, что пожертвовала ради меня всем. Почему бы ей не заняться своей жизнью теперь, когда есть такая возможность?

Александра, моя девушка, точнее, девушка-с-которой-я-сплю, говорит, что ее мамаша такая же, но это ложь. Сирпа не таскается за ней в центр, не названивает приятелям дочери и не рыщет по карманам куртки в поисках травки и презиков.

Кстати, о презиках. Она бы, наверное, обрадовалась, когда их нашла? Разве не этого хотят все родители – чтобы их дети предохранялись? Потому что, думаю, именно этого она и боится, что я сделаю кому-нибудь ребенка и испоганю себе молодость, как это случилось с ней.

Мать-одиночка.

Или мать-героиня, как они говорят в маминой общине, желая, чтобы все чувствовали себя комфортно.

Мы с мамой живем в трехэтажном доме на улице Эллен Кей в Фруэнгене – не самом худшем южном пригороде Стокгольма. Отсюда девятнадцать минут на метро до Центрального вокзала, а убить девятнадцать минут на дорогу не жалко.

Хотя...

Девятнадцать минут в город и девятнадцать обратно домой – это будет тридцать восемь минут в день. Если ездить каждый день – тридцать тысяч восемьсот семьдесят минут в год, что равняется двумстам тридцати одному часу или почти десяти дням.

А убить десять дней на дорогу – это уже совсем другое.

Много чего может случиться за десять дней, как мы уже знаем.

Фишка в том, чтобы посчитать, прежде чем делать поспешные выводы: например, о том, что девятнадцать минут в метро – это ерунда.

Математика – единственный предмет, который хорошо мне давался в школе. Еще шведский, но только в младших классах. Раньше мне нравилось читать. Но я забросил чтение. Не хотел, чтобы кто-то увидел меня в метро с книжкой.

А вот математика всегда была особенной. Мне даже напрягаться не приходилось. Цифры словно сами собой появлялись у меня в голове и я знал ответ прежде, чем осталь-

ные успевали достать калькулятор. И несмотря на то, что на уроки я почти не ходил, во втором классе гимназии учитель математики поставил мне пятерку.

Может, хотел так мотивировать меня на учебу, но школу я все равно бросил. Не видел в ней никакого смысла.

Краем глаза замечаю движение. В клетке на полу прыгает птенец дрозда – уже совсем большой. Тычет клювом в зернышки на полу, замирает, кладет голову набок и смотрит на меня темными глазами-пуговками с золотым кантом.

Черный дрозд. *Turdus merula*.

Есть еще одна вещь, помимо математики, которая мне легко дается. Это птицы. В детстве я с ума сходил по птицам, но теперь успокоился.

Я же не ботан какой-нибудь.

Только вот когда я нашел этого птенца в контейнере, я не мог не спасти его.

Снова смотрю на птицу. Любуюсь блестящими черными перышками, ярко-желтым клювом, умело подбирающим зерна с пола.

Я кормлю дрозда семечками и жиром. Я даже научил его есть у меня с руки, хотя это самый сложно поддающийся дрессировке питомец.

Достаю мобильный, открываю «Снэпчат».

Лиам выложил ролик со взрывающейся пивной банкой. Выглядит так, словно в банку выстрелили. Может, из пневматики Лиам. Александра прислала фото себя в кровати.

Одеяло натянуто по самый нос, но я вижу по глазам, что она улыбается. Вокруг пульсируют маленькие ядовито-розовые сердечки, которыми она украсила фотку.

Открываю «Ватсап»: от Игоря никаких новостей.

По большому счету, мне хотелось бы, чтобы он забыл о моем существовании. Но к сожалению, я облажался и теперь должен платить.

Десять дней.

Столько хватило на то, чтобы запутаться в липкой паутине Игоря. Столько же, сколько уходит на поездки на метро за год.

Если честно, все началось намного раньше. Мамаша считает, что у меня голова без мозгов и что я ни на чем не могу сконцентрироваться дольше пары минут. Прямо она этого не говорила, но ясно дала понять, что, по ее мнению, я весь в папашу. А поскольку я его никогда не видел, то и возразить мне нечего.

У мамы, разумеется, таких проблем нет.

Во всяком случае, когда она за мной следит. Она не теряет концентрации и не сдаётся.

Идет по следу, как гончая.

Школьный психолог отправил меня к психиатру. Психиатр послал меня к тетке-психологу с потными руками, крупными серебряными украшениями и такими коричневыми зубами, словно она питалась говном.

Я ее терпеть не мог.

Особенно когда она начала трывдть про неврологиче-ско-поведенческие расстройтва, сниженные нейрорсихиче-ские функции. Сказала, что хоть и не может поставить мне диагноз, но явно констатирует плохо управляемую импуль-сивность и проблемы с концентрацией. Именно в этот мо-мент я перестал ее слушать. Мамаша тоже, поскольку не могла поверить, что у меня проблемы посерьезнее нехватки мозгов.

Несколькими месяцами позже я прочитал в бульварной газете о каком-то знаменитом чуваке, который был счастлив наконец получить диагноз, потому что это типа все объясни-ло. Словно он хотел быть психом, словно диагноз был мод-ной косухой или клевой татушкой, которую можно демон-стрировать всему миру.

Как я оказался в такой жофе?

Мы с Лиамом подворовывали в центре. Сперва смеха ра-ди. Крали по мелочи – духи, одежду. Но быстро сообрази-ли, что электронику – флешки, наушники, динамики – мож-но загнать за хорошие бабки. Лиам купил у Янне из качал-ки *booster bag* – выложенный алюминиевой фольгой изнутри рюкзак – и после этого достаточно было присесть, чтобы не попасть на камеру наблюдения, смести товары с полки, за-кинуть в рюкзак, спокойно выйти из магаза, сесть в метро и через девятнадцать минут выйти на станции «Фруэнген».

Проще простого.

Мы так наловчились, что ни разу не попались, и скоро

в чулане мамыши Лиама не осталось свободного места. На то, чтобы продать барахло на «Блокет», уходило много сил и времени. Еще и мамаша начала интересоваться, почему у меня несколько мобильных и почему я ухожу в свою комнату, чтобы ответить на звонок.

Тогда мы начали продавать краденное чеченцу по имени Аслан, мерзкому типу с татуировками на лице, который никогда не улыбался.

Аслан платил паршиво. Мы получали только четвертую часть того, что могли бы получить на «Блокет», но зато он брал все и не задавал лишних вопросов.

На заработанные бабки мы покупали бухло, кеды, травку и иногда пару грамм кокса. Однажды мы поехали на «Стуреплан» и поужинали морепродуктами в ресторане, как олигархи, но чаще мы просто расслаблялись с травкой и хорошим фильмом.

Днем мы тусили у меня, а ночью у Лиама, поскольку его мамаша работала в ночную смену в больнице Худдинге.

Мы никому не мешали.

Магазины застрахованы, так что деньги им возмещали. И мы никогда не воровали у простых людей, только у крупных богатых компаний – таких как «Медиа Маркт» или «Эльгигантен», которые и так обдирают простой народ как липку.

Травку и кокс мы покупали у одного типа по имени Мальте. Мальте тусовался в бильярдной, был высоким, болезненно худым, с трясущимися руками и чертовски малопривлекательным.

ным для дилера.

Думаю, именно Лиам спросил его, нельзя ли платить электроникой. Мальте только потер свои костлявые руки, поржал, демонстрируя золотые зубы, и отрезал, что таким они не занимаются. Но, продолжил он, если нам охота курнуть на халяву, мы можем помочь ему кое с чем.

И мы согласились. Начали работать на Мальте.

Мы быстро поняли, что он был важным винтиком в машине снабжения стокгольмцев наркотой. И был на короткой ноге с боссом, Игорем. Такой короткой, что Лиам называл его мальчиком на побегушках.

Мы так над этим ржали.

Для Мальте мы делали всякую ерунду, ничего противозаконного.

Забирали и отвозили пакеты в разные места, принимали заказы по «Ватсап». Несмотря на то, что вся переписка в этом приложении защищена криптографией, Мальте со своей бандой разработал безумную систему кодовых имен. Если кто-то звонил и заказывал «пиццу», я должен был спросить, какую. «Каприччиоза» означала травку, «Гавайская» – кокс. Пять «Гавайских» означало, что клиенту нужно пять граммов кокаина.

Цена за грамм первоклассного кокса около восьми сотен, так что пицца недешевая. Но зато доставка в течение полчаса, так что высокий уровень сервиса гарантирован.

Мы доставляли *олдскульный* товар: спиды, кокс, травку и

все такое. Никаких лекарств и прочего дерьма. И героином мы, разумеется, тоже не торговали. Этот рынок контролируют гамбийцы из Кунгсан.

Порой Мальте рассказывал, как эта работа выглядела раньше. Парни торговали наркотой, как мороженым, прямо на улице. И регулярно оказывались в кутузке.

Я ржал как конь.

Не представляю, как можно было жить без Интернета и мобильных приложений.

Мне новая работа нравилась, но Лиам нервничал и хотел завязать. Под конец он заставил меня пообещать, что мы больше не будем работать на Мальте, и я пообещал, просто чтобы его успокоить.

Через пару месяцев мы купались и в траве, и в бабках. И ежу было понятно, что на обычной работе такого бабла не срубишь.

Лиам купил подержанный БМВ у чувака из Бредэнга и впервые за долгое время был в хорошем настроении. Сам я не отваживался купить что-нибудь дорогое, потому что мама и так достала меня расспросами, откуда у меня новые шмотки, кеды и прочее.

У нее был нюх, как у гончей.

Однажды меня вызвали к боссу Мальте, Игорю – здоровенному качку с бритой башкой.

Игорь был легендой по трем причинам.

Во-первых, он заправлял большей частью торговли нар-

котиками в Стокгольме. Во-вторых, по словам Лиама, когда три чувака пытались его обдурить, он привязал им лодыжки к запястьям и утопил, как котят.

В-третьих, он писал стихи и даже издал несколько поэтических сборников.

Честно говоря, я был немного польщен, когда Игорь сказал, что слышал, как хорошо я работаю, и спросил, не хочу ли я перейти на более важные задания. Мне будут хорошо платить, и в случае успешной работы меня ждет стремительная карьера в компании.

Да, так он и выразился – «компания». Словно он руководил не бандой, а акционерным обществом.

Он много трындел о том, что клиент важнее всего, что клиента нельзя дурить и что *сервис* должен быть *на высоком уровне*.

У меня было ощущение, что он прошел один из этих курсов, организованных Службой занятости, где учат, как открыть свою компанию, считать налоги, компенсацию за сверхурочную работу и прочую херню.

Я сразу принял его предложение. Только по дороге домой меня посетили сомнения.

Но было уже поздно давать задний ход.

Тем же вечером Игорь пригласил меня на пятничное пиво. Не знаю, шутил он или нет, но он так и сказал – *after work*¹.

¹ После работы (англ.). Здесь и далее, если не оговорено иначе, прим. ред.

Мы пили пиво и играли в бильярд. Все, кроме Игоря, который спиртного в рот не брал, только сидел в углу комнаты и наблюдал за нами.

Лиама там не было.

Позднее он рассказал, что получил то же предложение от Игоря, но отказался. Он сказал, что я совсем без мозгов и что мне надо научиться думать, прежде чем действовать, если я не хочу неприятностей.

К тому же я ему обещал, что мы больше не будем работать на Игоря и его лакеев. Но я снова его подвел, как обычно. Бла-бла-бла.

Это было ровно десять дней назад.

Вскоре после этого Мальте взял меня с собой выбивать долги из клиентов, отказывающихся платить. Тогда я и узнал, что в отношении должников компания была не так уж и клиентоориентирована и что Мальте действительно неприятный тип.

Работа выглядела так: мы стучались в дверь клиенту, и когда он или она открывали, Мальте сообщал, что мы пришли за деньгами, которые те должны. Иногда они платили, мы благодарили, желали приятного вечера и уходили, как учтивые мормоны.

Часто клиенты говорили, что у них нет денег, но они скоро заплатят. При первом визите мы отвечали, что придем через неделю и что «для всех будет лучше, если они заплатят», после чего Мальте трясущимися руками делал пометку

в мобильном, в котором у него был список должников.

Но если такое случалось во время второго или третьего визита, то клиент получал взбучку.

Что случалось во время четвертого визита, я не знаю, но полагаю, что за это отвечал уже не Мальте, а какой-нибудь конкретный громила. Может, тот же чувак, что помогал Игорю топить тех несчастных. Если, конечно, это действительно произошло. Лиам любит трепать языком.

В мое задание входило удерживать клиентов, пока Мальте дубасил их, как психованный. Но телкам он предпочитал угрожать ножом. Прижимал острое зубчатое лезвие к тонкой коже прямо под глазом, медленно им поводил так, чтобы пошла кровь, и сообщал, какие уродливые шрамы у них останутся, одновременно лапая грудь.

Только однажды Мальте пощадил клиента – бабу, разумеется, – хотя это был второй визит. Это была молодая девушка с длинными рыжими волосами по имени Сабина. Как только она открыла дверь, было件нятно, что они с Мальте знают друг друга и что Мальте хочет ее трахнуть. Они так долго беседовали, что мне стало скучно, и я спросил, можно ли воспользоваться туалетом.

Оказалось, что можно.

Возвращаясь из туалета, я успел увидеть, как Мальте дает телке пачку купюр, хотя это она должна была нам денег.

Просто так.

Девушка просияла и пообещала скоро заплатить.

И в этот момент Мальте меня заметил. Схватил за воротник, прижал к стене и прошепел мне на ухо:

– Никому ни слова, понял? Если вякнешь, мне крышка. И тебе тоже.

Я кивнул.

За кого он меня принимает? Думает, я настучу Игорю? Что я его новый лакей?

Но рыжеволосая была единственным исключением.

Остальные получали по морде.

Кто-то кричал. Кто-то плакал.

Верзилы с бицепсами, как у гориллы, и татуировками в виде черепов, скулили как младенцы и просили о пощаде. Одного парня вывернуло на мои новые кеды «Гуччи» после того, как Мальте заехал ему кулаком в живот.

Это было отвратительно.

Одно дело воровать электронику в «Медиа Маркте» или принимать заказы на доставку пиццы-кокса по телефону, но совсем другое дело – избивать людей. Мне это не надо. Я знаю, что нарушал закон, но алло, я же не *чудовище*.

Уже в первый вечер я понял, что компания Игоря не для меня.

Но как уволиться с такой работы?

В конце концов я набрался мужества и сказал Игорю правду, что мне не нравится лупить должников.

Он серьезно кивнул и улыбнулся. Откинулся на спинку стула, скрипнув кожанкой. Потом сказал, что это работа не

для всех и что для такого труса, как я, найдутся и другие задания, раз уж у меня кишка тонка.

При последней фразе он ухмыльнулся, и я против воли покраснел от стыда.

Потом он снова стал серьезным и сказал, что все люди разные, что у каждого свои способности. Чтобы построить сильную организацию, нужно уметь задействовать разные таланты.

Потом нагнулся, достал завернутый в коричневую бумагу сверток размером с упаковку сливочного масла и бросил мне.

– Приходи вечером в понедельник на заброшенный завод и жди меня у закрытой автомастерской в девять. Ни минутой позже. Выключи мобильный, прежде чем выходить, и принеси сверток. Это очень важно, сечешь? Будешь стоять на стреме, пока я говорю с клиентом. Важным клиентом – дистрибьютором.

Он сделал паузу, окинул меня оценивающим взглядом и продолжил:

– В пакете пробники товара. Думаю, мне не нужно объяснять, что произойдет, если этот пакет потеряется?

Я кивнул и вышел из офиса Игоря за бильярдной со странным чувством стыда и облегчения. Но сильнее ощущалось облегчение: мне больше не придется никого дубасить, а что угодно лучше этого.

Но сейчас воскресенье, и облегчение, с которым я поки-

дал прокуренный офис Игоря, сменилось тревогой.

Я взвешиваю пакет в руке, смотрю в окно. Сгустились тучи над бывшей больницей, моросит дождь. Асфальт черный и блестящий, как первый лед на глубоком озере.

Пакет не тяжелый, я бы сказал, что он весит где-то сто грамм. За короткое, но насыщенное событиями время работы в компании я научился прикидывать вес пакетиков.

Это удастся мне не хуже счета в уме.

Сто грамм. Наверняка кокс. Восемьсот крон за грамм. Восемьдесят тысяч крон за пакет – по рыночной цене.

В дверь стучат. Я инстинктивно откладываю пакет на стол и иду открывать.

Входит мать.

Вид у нее усталый.

Выющиеся каштановые волосы с проседью длиной ниже плеч. Джинсовая рубашка, обтягивающая грудь, на шее – золотой крест. Выглаженные штаны песочного цвета так изношены, что нижний край штанин пошел бахромой. В одной руке у нее пакет для мусора.

– Чем ты занимаешься? – спрашивает она, моргая и поправляя прядь волос. – Точнее, ты занят, или просто... Не важно. Не важно, делаешь ты что-то или нет.

Мама всегда болтает слишком много. Сыпет словами так, словно они сразу попадают в рот, минуя мозг. Как птицы, выпорхнувшие из гнезда.

– Ничем, – отвечаю я, надеясь, что она отстанет. У меня

нет сил с ней собачиться.

– Ты позвонил Ингемару? Думаю, тебе стоит это сделать. Позвонить ему.

Ингемар – один из старейшин маминой общины. Мужик лет шестидесяти с курчавыми волосами и пухлыми красными губами. Он всегда улыбается, даже когда священник говорит об аде и смертном суде. Ингемар владеет сетью уличных киосков, где всегда требуется персонал. Так, по крайней мере, говорит мама.

Но с какой стати мне жарить сосиски за девяносто крон в час, когда я зашибаю в десять раз больше, работая на Игоря.

– Нет... Не успел.

Мать выпускает пакет из рук, и он шлепается на пол.

– Но Самуэль. Ты же *обещал*. Чем ты таким важным был занят, что не смог позвонить?

Я не отвечаю. Что я могу ответить? Что весь день играл в компьютерные игры?

Она подходит ближе, скрещивает руки на груди. Вокруг мусорного пакета на полу расползается мокрое пятно.

– Так больше не может продолжаться, Самуэль. Ты должен взяться за ум. Нельзя вот так сидеть дома и...

Видно, что она не может подобрать слов, чтобы выразить свое возмущение. Такое с ней редко бывает. Я вижу, как она обводит взглядом птичью клетку и покачивает головой.

Потом застывает.

– А это что такое?

Она хватает пакет Игоря со стола.

– Дай его мне, – вскакиваю я и тут же понимаю, что выдал себя с головой такой быстрой реакцией.

Мама трясет пакетом, словно по звуку можно определить его содержимое.

– *Черт побери.* Отдай пакет!

Я тяну руки за коричневым пакетом.

– Не ругайся в моем доме, – шипит мамаша и добавляет: – *Что* в этом пакете?

Она делает несколько шагов назад. В глазах не тревога и не злость, а одно разочарование.

Как обычно.

Я – главное разочарование ее жизни.

– Ничего, – говорю я.

– Ну раз ничего, то я его заберу. Раз там нет ничего важного, то и не важно, у тебя он или у меня. Так ведь?

Мать вертит пакет в руках, пристально изучает, словно это бомба. Дрожащими руками отрывает скотч и раздирает бумагу. Бумага поддается, и с десятков крошечных прозрачных пакетиков с белым порошком вываливаются и рассыпаются по полу, как осенние листья.

– Что за...?

– Это не то, что ты думаешь... Это...

Но что я могу сказать? Что еще может быть в таких пакетах, как не наркота?

Мама, открыв рот, качается взад-вперед. В глазах у нее

слезы.

– Прочь из моего дома, Самуэль. Прочь!

Голос у нее спокойный, хотя лицо такое, словно она увидела привидение среди бела дня.

– Я...

– *Вон!* – вопит она и опускается на корточки. Сгребает пакетики с пола, идет к мусорному пакету и закидывает их внутрь к пакету с молоком, панцирям креветок и яблочным огрызкам. Берет пакет и выходит в прихожую.

Я смотрю на мокрое пятно на полу. Слышу, как открывается входная дверь, слышу хорошо знакомый звук захлопывающейся крышки мусоропровода.

Входная дверь закрывается, шаги приближаются.

– *Вон!* – кричит она из прихожей.

Я собираю вещи, закидываю в рюкзак, надеваю толстовку и выхожу в прихожую.

– Исчезни из моего дома, – шипит мама. – И вот это возьми с собой.

Она стягивает браслет из цветных бусинок, который я сделал ей в первом классе, и швыряет на пол. Потом, всхлипывая, уходит.

Я поднимаю браслет: она носила его, не снимая. Потираю бусинки между пальцами.

Они по-прежнему теплые.

Ключ от подъезда подходит и к подвалу. Тяжелая дверь со скрипом отворяется, и в нос ударяет запах тухлой еды,

старых памперсов и прокисшего вина.

Откуда-то снаружи доносится шум удаляющегося грузовика.

Я шарю по стене в поисках выключателя, нащупываю, нажимаю, и в следующую секунду помещение заливают холодный свет.

Но мусора там нет.

Новые, уже пустые мешки аккуратно висят, готовые принять мусор. Они шуршат на сквозняке от открытой двери.

Сердце уходит в пятки. Я бегу в подъезд, распахиваю дверь и выбегаю на улицу только чтобы увидеть, как мусоровоз увозит в дождь кокс на восемьдесят штук.

Это не моя вина.

Я всегда был импульсивен, даже психолог с зубами в кашках так сказала, а уж кому, как не ей, знать.

Я никому не хотел навредить, хоть мамаша и считает, что я нарочно испоганил ей жизнь.

Воровали мы только у богатых компаний, застрахованных по самое не могу, а травку и кокс загоняли только совершеннолетним, которые прекрасно знали, за что платят такие бабки.

Спрос рождает предложение.

Все, что мы делали, это удовлетворяли этот спрос – быстро, эффективно и *клиентоориентированно*.

А выбивание долгов вместе с Мальте?

Нет, я не горжусь этим. И будь я в состоянии повернуть

время вспять, я бы отказался от этой работы. Но прошлое не вернуть. Время идет только вперед. Чертовы часики тикают и тикают.

Девятнадцать тридцать шесть.

Ровно через сутки, час и двадцать минут я должен быть на заводе.

Я хорошо помню, что сказал Игорь.

В пакете пробники товара. Думаю, мне не нужно объяснять, что произойдет, если этот пакет потеряется?

Если я приду без пакета, Игорь озвереет. Но если не приду, лучше даже не думать, что со мной будет. Скорее всего они пришлют за мной одного из тех громил, что занимаются четвертым визитом.

Я опускаюсь на корточки и остаюсь сидеть на мокром асфальте спиной к дому.

Браслет из бусинок блестит в свете фонаря. Четыре бусинки с буквами.

Моргнув, читаю хорошо знакомое слово.

МАМА.

Пернилла

Дождь стучит по стеклу. Слышно, как мусоровоз закидывает в кузов мусор из подвала и отъезжает прочь. Шум мотора заглушает мысли.

Правильно ли я сделала, выгнав Самуэля?

Это не впервые. За последние три месяца я уже выгоняла его из дома два раза. Но мы всегда быстро мирились.

Наверно, слишком быстро, потому что друзья из общины говорят, что я слишком добра к нему. Что мне нужно научиться устанавливать границы и ослаблять контроль. Что нельзя вышвырнуть из дома и через пару часов звать обратно.

Я пыталась объяснить им, что вся проблема в том, что я не знаю, как ему помочь. Быть понимающей? Требовательной? Поощрять те редкие моменты, когда он проявляет инициативу, ведет себя как взрослый и ответственный человек?

При этом изнутри гложет чувство вины, которое увеличивается, как опухоль, с каждой новой глупостью, которую выкидывает Самуэль. С каждым годом, который он проводит, не пуская Иисуса в свое сердце.

И это все моя вина.

Я складываю руки в молитве и закрываю глаза.

Боже Милостивый, помоги Самуэлю понять, что Ты рядом. Возьми его под Свое крыло и укажи верный путь. И про-

сти. Прости. Прости. Прости меня за все. Во имя Иисуса. Аминь.

Опускаюсь на пол и прижимаю ладони к прохладному линолеуму. Обвожу взглядом комнату.

Расписание уроков Самуэля все еще висит на холодильнике, хотя он давно уже бросил гимназию. Я распечатала его в увеличенном формате, чтобы он не забыл какой-нибудь урок. Вторники и четверги отметила розовым фломастером и написала сверху «Не забудь спортивную форму!». Понедельник отмечен зеленым. Рядом приписано: «Внимание! Первый урок 08.05». На кухонной стойке – банки с рыбьим жиром. Одна из женщин из библейского кружка посоветовала рыбий жир как средство для улучшения концентрации.

Ну и молитвы, разумеется.

Но Самуэль не хотел принимать рыбий жир. Утверждал, что от капсул воняет тухлой рыбой. Впрочем, они действительно пахивают.

Во всем виновата я сама. Прошрое меня настигло. Грехи не отпускают меня.

У меня было счастливое детство. Но оно закончилось, когда мне исполнилось девять.

Я выросла в глубоко верующей семье. Мой отец, Бернт, был пастором в Свободной церкви², а моя мать, Ингрид, до-

² Свободными церквями принято называть протестантские общины, существующие независимо от государственных церквей в ряде европейских стран, в том

мохозяйкой. Родители мечтали о большой семье, но смогли завести только одного ребенка. Я долго пыталась компенсировать им отсутствие других детей своим примерным поведением.

Я старалась быть образцовой дочерью – в два раза лучше, чем все другие дети.

Мы жили в Худдинге, к югу от Стокгольма, в желтом деревянном доме возле озера Трехёрнинген.

Мы были обычной семьей. У нас была «Вольво», два золотистых ретривера – тоже замена детям – и большой сад, полный плодовых деревьев и ягодных кустов. С ранних лет я активно участвовала в жизни общины и в школе получала только пятерки.

Но если родители и гордились моими успехами, то виду не подавали.

Думаю, они считали, что я просто соответствую их ожиданиям.

Папа много работал. По долгу службы он всегда должен был доступен для прихожан. Порой казалось, что он исполняет одновременно роли душеспасителя, банка и полиции.

В нашем доме всегда царило оживление: друзья, прихожане, нуждающиеся в помощи или совете, с которыми мы делились чем Бог послал в нашей по-спартански обставленной кухне под голодными взглядами вечно попрошайничающих собак.

Тогда я воспринимала то, что имела, как нечто само собой разумеющееся, – любящих родителей, материальные удобства и даже веру, которой многим сегодня не хватает. Это было благословенное время. Я наслаждалась счастьем, не задумываясь о том, насколько мне повезло. Но это было и греховное время, потому что грех не осознавать, что все это – дар Божий, грех не осознавать, насколько велика была Его милость.

Когда мне было девять, я вернулась домой раньше времени и застучала маму голой на диване с одним из соседей с нашей улицы, отцом моего одноклассника.

Я помню солнечные блики на их потных телах, сплетенных на горчичного цвета плюшевом диване. Помню, как ее длинные волосы рассыпались у Йона на груди, как его рука покоилась на ее покрасневшей ягодице.

Это был последний раз, когда я видела свою мать.

На следующий день она исчезла.

Мать была красивой, греховно красивой. И она ослушалась отца.

Лицо ангела, сердце змеи. Опасная соблазнительница, так папа называл ее впоследствии, ссылаясь на Послание к Ефесянам Павла, написанное им во время заточения в Риме:

Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела.

Отец не был тираном. Он любил мою мать – даже после того, как она бросила нас, оставив после себя пустоту.

Несмотря на то, что она предала Иисуса и жила в грехе до самой своей смерти.

Исчезновение матери причинило мне страшную травму, но страшнее всего было то, что мы ничего о ней не знали. Ни телефонного звонка, ни письма. Каждый день рождения я надеялась, что мама даст о себе знать. Я молилась день и ночь, чтобы она меня навестила.

Но она этого так и не сделала. В мой тринадцатый день рождения она погибла в автомобильной аварии в нескольких километрах от нашего дома.

Я поднимаюсь, беру мобильный и иду в ванную комнату. Ополаскиваю лицо холодной водой и разглядываю себя в зеркале. Растрепанные каштановые волосы, морщины вокруг рта, живот, выпирающий из-под пояса ставших узкими брюк. Красные глаза, размазанная тушь.

И все равно видно, что я дочь своей матери: у меня такие же глаза и скулы.

Я унаследовала от нее не только внешность. Я унаследовала и жажду греха, которая не давала матери покоя. Может, она передала ее мне вместе с материнским молоком – невидимый, но смертельный дар, замаскированный под любовь.

По крайней мере, так сказал отец, когда мне исполнилось восемнадцать и я встретила Исаака Циммермана.

Исаак был полной противоположностью примерного христианина. Во-первых, он был не христианином, а евреем. Одно это было позором и катастрофой. Во-вторых, он был на пять лет старше, американец и «музыкантишка».

Папа отказывался впускать его в наш дом.

Но я была молодой и глупой, пошла против воли отца и продолжала встречаться с Исааком. Высокий, худой, в вечно драной одежде, с длинными кудрявыми волосами он был просто неотразим.

Исаак был похож на Иисуса.

И я влюбилась, кубарем полетела по наклонной прямо в пропасть греха, радостно распахнувшей мне свои объятия. И радовалась своему падению, ибо не ведала, что для меня благо, а что – зло.

Мне казалось, что любовь к Исааку, эта испепеляющая страсть заполнит пустоту, оставшуюся после побега матери. Залечит мои душевные раны.

Но вместо этого я залетела.

Исаак хотел, чтобы я сделала аборт, но для меня такого выбора не стояло. Разумеется, на моем решении сказалось воспитание: почти каждый день в церкви я слышала о ценности человеческой жизни. И я любила этого человечка, растущего внутри меня. Я уже потеряла мать и не хотела потерять и ребенка тоже. Не могла поступить с моим малышом так, как мать поступила со мной.

Я не хотела быть похожей на нее ни в чем.

Лицо ангела, сердце змеи.

Исаак разозлился, поехал в Вэрмлэнд в тур и не звонил несколько недель.

Потом от него пришло письмо, в котором он писал, что не готов к созданию семьи и что если я рожу этого ребенка, то и воспитывать его мне придется самой.

Так и получилось.

Через полгода после разрыва с отцом я вернулась в желтый домик.

Мне было восемнадцать, и я была на сносях.

Если папе и было стыдно, он этого не показывал. Община приняла меня с распростертыми объятиями. Я была грешницей, готовой покаяться, у меня еще был шанс на спасение моей бессмертной души.

Только однажды у отца вырвалось: «Яблочко от яблони недалеко падает...»

Это случилось осенним вечером, мы ссорились, не помню почему, помню только, что он повысил на меня голос и сказал, что я вся в мать.

Что во мне сидит дьявол.

И теперь он передался Самуэлю.

Я приложила все усилия, чтобы создать Самуэлю хорошие условия. Я работала изо всех сил, чтобы нас обеспечить. Ни разу за годы с рождения Самуэля я не ездила в отпуск. Я не заводила отношений с мужчинами – не потому, что не хотела, а потому что Самуэль был очень требовательным. С

первого дня он высасывал из меня энергию, как бездонная черная дыра в космосе.

Я все делала ради него.

И я молилась. Как я молилась!

Но Бог продолжал меня испытывать.

Не знаю, где взять в себе силы.

Говорят, Бог дает нам не больше того, что мы в силах вынести, но я в этом порой сомневаюсь.

Я вытираю лицо полотенцем. Полотенце становится черным от туши, и я швыряю его на пол. Беру мобильный и пишу эсэмэс. Прошу Самуэля вернуться. Пишу, что люблю его и прошу прощения за эту вспышку ярости.

Сажусь на унитаз.

Из комнаты Самуэля доносится шкрябающий звук. Должно быть, это дрозд в клетке.

Он способен брать ответственность на себя, если захочет. Когда дело касается кого-то или чего-то, что ему дорого.

Дрозда, например.

Удаляю эсэмэс и бросаю телефон на пол.

Он подпрыгивает пару раз на коврик и остается лежать перед душем.

«Нет», – думаю я.

На этот раз все будет по-другому.

На этот раз его надо проучить.

Манфред

Мы с Афсанех сидим по обе стороны больничной кровати. Между нами лежит Надя, окруженная аппаратами, поддерживающими в ней жизнь. Электроника пикает и шипит. Одна ручка в гипсе, из дырочки на шее трубка протянута к аппарату искусственного дыхания.

Рядом мониторы, на которых видно пульс, температуру, уровень кислорода и давления в мозгу. Здесь столько электроники, что кажется, будто мы на борту космического корабля.

И коридора доносится шум шагов: наверное, кто-то спешит к еще одному больному ребенку.

Рядом с изголовьем, у белого столика с компьютером, сидит Ангелика, врач отделения интенсивной терапии.

Она хороший врач. Они все тут хорошие: в отделении интенсивной терапии для детей, куда нас перевели после первой недели в реанимации. Они заботятся не только о детях, но и о нас, родственниках. Приносят еду, кофе, объясняют то, что невозможно объяснить. Держат тебя за руку, утирают слезы.

Не знаю, откуда у них берутся силы.

Надю ввели в искусственную кому.

Она получила повреждения черепа, когда выпала из окна, и врачи сделали это для того, чтобы мозг мог восстановиться.

ся.

Но никто не знает, выйдет ли она из комы, и если да, то какая жизнь ее ждет.

Прошло уже три недели.

Я думал, что со временем мне станет полегче, что я смогу примириться с незнанием того, что будет дальше, но легче мне не стало. Наоборот, с каждым днем мне все более приходится находиться в подвешенном состоянии.

Я выпускаю влажную теплую ручку Нади и откидываюсь на спинку стула. Смотрю на Афсанех, сидящую, опустив голову на руки.

Есть что-то символичное, почти судьбоносное в том, что мы сидим по разные стороны постели. Я не могу дотянуться до Афсанех, а она – до меня. Даже если бы мы хотели, Надя лежит между нами.

Ее несчастье встало между нами.

Дома то же самое.

Мы с Афсанех едва разговариваем, она избегает дотрагиваться до меня.

А касаюсь ли я ее?

Не знаю. Не помню.

Я столько всего не помню.

Дни проплывают мимо, как корабли в море, не задерживаясь в моем сознании. Случается, что я встаю утром, сажусь на диван в гостиной и сам не замечаю, как начинает смеркаться.

Время прекратило существование. Все, что у меня есть, это одно затянувшееся сейчас – болезненное ожидание того дня, когда Надя наконец очнется из комы или заснет навсегда.

Афсанех выпрямляется и одной рукой массирует затылок.
– Я схожу за кофе, – говорит она, не спрашивая, буду ли я.
Я молчу. Смотрю в окно, где в голубом небе светит солнце, а ветерок шелестит зеленой листвой.

Ангелика смотрит на меня из-за компьютера.
– Тебе что-нибудь принести? Я собиралась в кухню.
– Нет, спасибо, ничего не нужно.

Я больше не чувствую голода. Хотя всегда любил поесть. С самого детства был толстяком, а за последние недели похудел килограмм на десять.

Самый эффективный метод похудения – жизнь со смертельно больным ребенком.

Достаточно утратить бдительность лишь на мгновение, и ребенок выпадет из окна, выбежит на дорогу или свалится в воду с плотика.

Жизнь тянется бесконечно. Жизнь как старый усталый осел.

Но смерть стремительна, как молния. Ей достаточно секунды, мгновения, вдоха. Смерть – это кобра, нападающая без предупреждения. Она быстрее собственной тени. Как Лаки Люк.

Мобильный звонит, и я долго смотрю на экран в недоуме-

нии, прежде чем ответить.

– Манфред? Это Малин.

Я не сразу понимаю, что звонит моя коллега Малин Брундин.

Малин работает в Катринехольме, но она вместе с нами расследовала преступление в Урмберге, ставшее одним из самых громких в Швеции.

Расследование навсегда перевернуло жизнь Малин. Оказалось, что ее родственник много лет держал в заточении в подвале женщину, и эта женщина оказалась родной матерью Малин. Другими словами, шведка, вырастившая Малин, женщина, которую она называла мамой, не была ее биологической матерью.

Такое нелегко пережить.

Я был удивлен, что она не бросила работу в полиции и не переехала в Стокгольм или другой крупный город, где проще было бы спрятаться от прессы и любопытствующих.

Малин летом заменяла заболевшую коллегу в Стокгольме по моей рекомендации. Почему-то я думал, что ей пойдет на пользу уехать из Урмберга и что пребывание в столице поможет залечить душевные травмы.

– Привет, – здороваюсь я.

– Как ты? – спрашивает она.

Как ответить на этот вопрос?

Люди все время спрашивают, как я, но я перестал отвечать правду, у меня больше нет сил объяснять. Не только

потому, что это больно, но еще и потому, что это занимает слишком много времени. К тому же я сам не знаю, каково мне, потому что давно утратил способность чувствовать.

– Без изменений, – после некоторой заминки отвечаю я.

– Мы хотели спросить, придешь ли ты, потому что хотим начинать.

Проклятие!

Я вдруг вспоминаю.

Сегодня я должен был вернуться на работу. Больничный кончился, и жизнь – во всяком случае рабочая – снова началась.

– Черт, Малин, извини, – говорю я. – Я наверно перепутал дни. Я в больнице с Надей и совсем забыл...

– Все в порядке, – отвечает она, очевидно, предвидя такой ответ. – Можешь присоединиться к нам завтра.

– Нет-нет, я приеду.

Пауза.

– Нет, лучше подожди нас в больнице, – продолжает коллега. – У нас новое дело. Тело выбросило на берег в южной части Стокгольмского архипелага. У нас встреча в морге в Сольне через час. Сможешь подъехать туда? – Поколебавшись, она продолжает: – Ты же уже в Каролинской больнице.

Асфальт раскалился от жаркого солнца, от вчерашнего ливня не осталось ни следа Малин стоит перед входом в кирпичное здание и вертит в руках телефон. Незаметно выбро-

сив сигарету, я подхожу к ней.

Длинные каштановые волосы, худое сильное тело. Темные глаза, прищуренные от солнца, поджатые губы. Это Малин, какой ее знаю. Но щеки и бедра округлились, а футболка обтягивает круглый живот.

Они с Андреасом ждут ребенка.

Они вместе работали над расследованием в Урмберге и постоянно цеплялись друг к другу. Спорили обо всем – от иммиграции до социальных пособий и не могли даже договориться, из какого ресторана заказать обед.

А теперь планируют принести новую жизнь в этот мир.

Неожиданный поворот событий, я вам скажу.

– Ты *по-прежнему* куришь тайком? – Малин поднимает брови, кивая на окурок на земле.

Я не отвечаю, только хлопаю ее по плечу.

В паре метров от Малин стоит Гуннар Вийк по прозвищу Дайте.

Я кошусь в его сторону.

Борода седая и растрепанная, веки такие тяжелые, что непонятно, как ему что-то удастся разглядеть из-под них и очков в тонкой стальной оправе. Живот распирает рубашку с коротким рукавом. Из-под коротковатых синтетических брюк торчат голые опухшие лодыжки. На ногах – старые коричневые сандалии.

Гуннар – настоящая легенда. Он потомственный полицейский. Члены его семьи дорого заплатили за возможность ра-

ботать в полиции. Но больше всего он известен как главный полицейский Казанова. Если верить слухам, волочился за каждой юбкой. И загнав свою добычу в угол, подавлял жалкие попытки сопротивления своей коронной репликой: *«Дай этому случиться»*.

Разумеется, слухи распространяются быстро, и вскоре умники из полиции дали ему прозвище «Дай-этому-случиться». С годами прозвище сократили для удобства, и он сначала превратился в «Дай-этому», а потом в «Дайте».

Мы здороваемся. Мы раньше не работали вместе, но знаем друг друга, хоть и поверхностно.

Гуннар неплохой полицейский, хоть с годами и стал нытиком. Его коллеги говорят, что он особенно угрюм, когда ни с кем не встречается.

– Что тут у нас? – спрашиваю я.

– Мужчина. На вид лет двадцать, – отвечает Дайте, теребя бороду. – Тело обнаружил рыбак.

– А *мы* тут зачем?

Вопрос не праздный. Оперативное отделение не расследует обычные убийства.

– Мы думаем, что его смерть связана с расследованием, которое сейчас проводится. И к тому же в стокгольмской полиции не хватает ресурсов. Они попросили нас помочь.

– Личность жертвы установлена?

– Не совсем, – говорит она, щурясь от солнца.

Я чувствую на себе ее взгляд.

Я, должно быть, выгляжу ужасно. Небритый, немытый, неподготовленный. Я совсем не похож на прежнего Манфреда.

Он бы никогда не пришел на работу в таком виде.

Прежний Манфред носил рубашки и костюмы-тройки. В кармане пиджака у него всегда был шелковый платок, и он благоухал, как парфюмерная лавка.

Прежний Манфред носил до блеска начищенные итальянские туфли из мягкой телячьей кожи и эксклюзивный, но неброский «Ролекс» модели пятидесятых годов.

Но прежнего Манфреда больше нет.

– Идем? – говорит Малин и направляется ко входу.

Судмедэксперт Самира Хан обнимает меня при встрече. Она маленькая и хрупкая, как ребенок. Длинная темная коса аккуратно лежит между лопаток.

– Как ты исхудал! – восклицает она, сжимая мне руку powyше локтя и потом шепотом добавляет: – Как она?

– По-прежнему в коме.

Самира кивает и поправляет фартук.

– Это чтобы мозг мог восстановиться, – поясняет она. – Послушай, дети в этом возрасте способны восстанавливаться очень быстро. И мозг обладает фантастическими способностями компенсировать утрату функций.

Я киваю. Все это я уже слышал раньше.

Мы идем в зал для вскрытия.

– Так кто, вы думаете, покойный? – спрашивает у Малин Самира.

– Мы *думаем*, что это может быть Юханнес Ахонен, – говорит Дайте, закладывая за губу снюс. – Но это предположение основано на том, что у мертвеца такая же татуировка.

Самира кивает.

– Придется дожидаться заключения судебного ортодонта и результатов ДНК-анализа, чтобы точно установить личность.

Она открывает дверь и пропускает нас вперед. Характерный удушающий запах смерти ударяет мне в лицо. Краем глаза я вижу, как морщится Малин. Дайте, напротив, и бровью не повел. Просто прошел в палату, даже не вынимая рук из карманов.

– Посмотрим? – спрашивает Самира, надевает очки и полиэтиленовый фартук и подходит к столу для вскрытия.

На столе из нержавеющей стали лежит тело мужчины. Разбухшее и посиневшее. Кожа в некоторых местах потрескалась и напоминает тонкий зеленый брезент, небрежно накинутый на что-то белесое и бесформенное.

Когда я подхожу к столу, что-то внутри меня сжимается. Может, потому что мои чувства в расстройстве – обычно я так остро не реагирую на покойников. Словно холодная рука шарит в груди в поисках сердца. Я боюсь, что Надя тоже когда-то окажется на таком столе. Я знаю, что этот мужчина тоже чей-то ребенок.

Я зажмуриваюсь.

– Вскрытие будем проводить во второй половине дня, – говорит Самира, натягивая перчатки. – Но я подумала, что, возможно, вы захотите взглянуть на него пораньше.

Она продолжает:

– Как вам уже известно, тело было завернуто в покрывало и обмотано железной цепью. Когда ткани разлагаются, в грудной клетке и животе образуются газы – прежде всего метан и углекислый газ. Из-за этого тела утопленников часто всплывают на поверхность. В этом случае тело нарочно обвязали утяжелителями, чтобы оно не всплыло. Но это не означает, что он был убит. До вскрытия я не могу назвать причину смерти. Пока могу только сказать, что тело подверглось насильственным действиям, поскольку обе ноги, таз и спина сломаны.

– И кто-то отрезал ему руку, – добавляет Малин, кивая на отсутствующую левую руку.

– Необязательно, – возражает Самира. – Руки и ноги имеют тенденцию отваливаться, когда тело долго лежит в воде. Это могло произойти само по себе, по вине животного или механизма, например, лодочного пропеллера.

Дайте кивает, хмыкает, сводит кустистые брови.

– А это что за белое вещество? – спрашивает Малин.

Самира касается пальцами воскообразной субстанции, местами покрывающей тело.

– Адипоцир, или трупный воск. Образуется путем гидро-

лиза из жира, когда тело долго находится в холодной воде.

– Черт, – бормочет Малин, но замолкает при виде недовольной мины Дайте.

– Когда он умер? – спрашивает он, делая заметки в блокноте.

– Я бы предпочла отложить этот вопрос, – тянет с ответом Самира. – Много факторов влияют на то, как быстро тело разлагается в воде: температура, содержание соли, кислорода, и так далее. Но предварительно могу предположить, что смерть наступила месяц-два назад. Трупный воск образуется не сразу.

– А татуировка, из-за которой вы решили, что это Юханнес... – интересуюсь я.

– Ахонен, – вставляет Дайте.

Самира поднимает руку покойного, чтобы мы могли разглядеть что-то темное на коже.

– Смотрите, – говорит она.

Дайте наклоняется вперед. Малин тоже, но я вижу, что ее взгляд обращен к двери, а лицо побледнело.

– Татуировка? – уточняю я.

– Да, – отвечает Самира.

– Ничего не видно, – жалуется Малин.

– У вас что, глаз нет? – фыркает Дайте, почесывая кончик носа. – Это птица.

Самира кивает.

– Орел. Возможно, орлан-белохвост или беркут. Они

очень похожи. У Юханнеса Ахонена была такая же.

Она идет к письменному столу, снимает перчатки и бросает в желтый мусорный пакет с надписью «Опасные отходы», потом листает папку с бумагами.

– Вот, – протягивает она мне пачку фотографий.

На первой фотографии татуировка орла с характерным изгибом клюва и распростертыми крыльями, словно тот собирается приземлиться или вонзить когти в добычу. На другой – тело, завернутое в клетчатое покрывало и перетянутое грубой ржавой цепью, в звеньях которой запутались водоросли.

– На снимке увеличенная татуировка Ахонена, которую взяли с «Фейсбука», – поясняет Самаира.

– Сегодня этих татуировок пруд пруди, – комментирует Дайте, выдвигая вперед челюсть. – Каждый второй придурок имеет татуировку. И наверняка таких орлов тоже как собак нерезанных.

– Не сомневаюсь, – отвечает Самаира. – Но выяснять это – ваша работа. Можете забрать снимки. Я распечатала их для вас.

– Что нам известно об Ахонене? – спрашиваю я.

– Родился в Ханинге, – говорит Малин. – Двадцать лет. Мать заявила об исчезновении в марте. Осужден за незаконное хранение оружия, наркотиков и кражу. Его имя всплыло в деле Игоря Иванова, тридцатидевятилетнего гражданина Швеции, родившегося в Киеве в Украине и проживающего

в Эльвшё. Судя по всему, он заправляет торговлей наркотиками в южных пригородах. Криминальная легенда. Нам пока не удалось ничего на него накопать, хотя ходят слухи, что он управляет своей организацией железной рукой и пришил пару парней, которые кинули его на бабки. Но мы не знаем, правда это или нет.

Я присвистываю.

– *Игорь Иванов.* Надо же.

В этот момент Малин прижимает руку ко рту, поворачивается и пулей вылетает из комнаты.

– Ой, – восклицает Самаира и спешит за ней.

Дайте посмотрит на меня и поправляет очки на носу.

– Я все думал, сколько она выдержит, – заявляет он с нескрываемым злорадством в голосе. – Интересных следователей они нам теперь присылают. Беременным теткам на сносях в морге не место.

Самуэль

На лес уже спустились сумерки, хотя летнее небо по-прежнему светлое. В лесу пахнет влажной землей и зеленью.

Голова раскалывается от боли, все тело ноет. Я пытался спать в ночном автобусе, но это было непросто. Мысли о пакете с коксом не давали мне покоя. А в Хёкарэнген стерва, которая вела автобус, меня высадила.

Я боюсь даже подумать о том, что Игорь скажет, расскажи я ему, что образцы товара уехали с мусоровозом.

Чтобы отвлечься, достаю мобильный из кармана.

От матери ничего.

Как укол в сердце.

Она вечно мной недовольна.

Что бы я ни делал. Когда мне поставили высший балл по математике, она даже не обрадовалась. Только трындеда, что по всем остальным предметам у меня двойки. А когда я подарил ей браслет от «Эрмес», она закатила истерику, что не желает принимать краденые вещи в подарок и что типа воровство это смертный грех, хотя я этот браслет вообще-то купил.

Я со вздохом возвращаюсь к мобильному. Пишу эсэмэс Жанетт, лучшей подружке Александры.

Она горячая штучка.

Длинные светлые волосы, крепкая маленькая грудь. Боль-

шой рот, нежная кожа вся в веснушках. Нежная на ощупь тоже.

Между нами с Жанетт что-то есть. Только я пока не знаю что.

Мне стоило бы воздержаться – она все-таки подружка Александры, но с другой стороны, верности до гроба я Александре не обещал. Даже наоборот – объяснил, что не готов к серьезным отношениям. Что я еще не достиг этой черты, словно любовь – это конечная станция в метро.

Александра сказала, что ее все устраивает, она тоже не хочет себя связывать.

Так что мы встречаемся и спим, иногда нам бывает очень хорошо вместе. Как в порнофильме или как будто мы по-настоящему влюблены.

Я ускоряю шаг и слышу сигнал. Пришел ответ от Жанетт. *Никаких смс* – написано на экране. Я хотел написать и спросить, почему и с чего это она выделяется, как вдруг где-то позади раздается хруст ветки.

Я оглядываюсь, всматриваюсь в темноту, но не вижу ничего, кроме светлых стволов берез и очертаний кустов позади них.

Должно быть, какой-то зверь.

Несмотря на то, что мы живем всего лишь в девятнадцати минутах от центра, в лесу водятся дикие животные. И собак здесь часто выгуливают...

Продолжаю идти.

Лес редееет, передо мной возникают низкие бетонные здания под крышами из листов рифленого железа. Я пролезаю через дыру в заборе и иду к старой автомобильной мастерской на окраине промзоны.

В сумерках различаю две фигуры перед входом.

Игорь и Мальте.

У меня ноет под ложечкой, когда я подхожу к мастерской.

Игорь кивает в знак приветствия, Мальте ухмыляется, демонстрируя золотые зубы.

– Привет, – начинаю я. – Кое-что случилось... Пакет...

Закончить мне не дают, Игорь знаком велит мне молчать. Потом идет в сторону контейнера, расписанного граффити со стоячими членами и тэгами.

– Здорова, – улыбается он, но не мне.

Я поворачиваюсь и вижу двух чуваков, приближающихся к нам.

Один короткий и жирный, похожий на латиноса, в байкерской косухе и джинсах. Второй бледный и белобрысый, как альбинос, в толстовке и джинсах. В руках спортивная сумка с надписью *Just do it*.

Я подхожу к Мальте, пытаюсь привлечь его внимание.

– Пакет, – шепчу я. – Образцы товара. Их нет.

Мальте застывает, медленно поворачивается ко мне. В глазах у него страх.

– *Какого хрена?* – шепчет он.

– Мамаша их забрала.

– Серьезно?

Я смотрю, как Игорь общается с чуваками. Он активно жестикулирует, чуваки ржут, словно он рассказывает что-то смешное. Потом они поворачиваются и идут к нам с Мальте.

Меня бросает в пот. Я чувствую, как намокают подмышки, хотя на улице прохладно. Пытаюсь думать о Мальте как о мальчишке на побегушках, чтобы отогнать страх, но это не помогает.

– *Хренов лузер*, – сквозь зубы шипит Мальте и сплевывает.

Косуха Игоря поскрипывает при ходьбе, а свет фонаря отражается от бритой черепушки.

– Самуэль, – говорит он. – Возьми сумку.

Альбинос бросает мне сумку, и мне удастся ее поймать. Не знаю, что там, но наверное не товар, раз Игорь встречался с дистрибьютором.

Это могли бы быть деньги, но Мальте говорил, что Игорь предпочитает рассчитывать в биткоинах, когда речь идет о крупных суммах.

Игорь встречается со мной взглядом. Его глаза – два черных колодца, а лицо ничего не выражает.

– Образцы! – командует он.

– Я пытался вам сказать, – мямлю я. – Их нет. Мамаша забрала.

Повисает тишина. Игорь смотрит на меня так, словно я говорю на иностранном языке.

– *Какого хрена?* – наконец выдавливают он.

– Она выбросила их в помойку, а я не успел их вытащить до того, как приедет мусоровоз... Но я подумал, что лучше все равно прийти. Я все верну.

Я ловлю себя на том, что говорю, как мамаша, и затыкаюсь.

Не хочу быть похожим на нее.

Но ехидный голос, тот, который иногда звучит у меня в голове, снова вернулся: *«Тебе трындец, лузер херов»*.

Игорь идет ко мне. Челюсти у него напряжены, словно он закусил что-то твердое и горькое.

– Нет образцов – нет аванса, – равнодушно пожимает плечами латинос.

И в этот момент, когда хуже, казалось бы, уже быть не может, у меня в кармане пикает телефон.

Игорь сверлит меня взглядом и сжимает руки в кулаки:

– Я же тебе сказал отключить мобильник, ты дебил?

Я жмурюсь и жду удара, сжимая в руках сумку. Но вместо этого слышу голос за спиной:

– Полиция! Руки вверх! Всем лечь на землю.

Я открываю глаза и вижу Игоря и Мальте на корточках, словно они собираются подчиниться приказу.

Другие чуваки бегут в сторону леса.

Не знаю, почему – наверное, инстинктивно, – я бросаюсь бежать в противоположную сторону по велосипедной дорожке в сторону заброшенной теплицы. Бегу со всех ног с сумкой в руке, сгорая от стыда.

Как я мог совершить такую глупость?

Потому что ты debil.

Игорь просил меня о двух вещах – принести пакет и отключить мобилу.

Я не справился ни с одной.

Я действительно бесполезен. Все, кто звал меня неудачником – а таких много, были правы.

В темноте слышны выстрелы. Я ускоряю бег. Ноги горят, сердце бьется в груди как бешеное. Тошнота подступает к груди. Я вынужден остановиться. Хватаюсь за фонарь, и меня выворачивает на асфальт. Я ловлю ртом воздух, озираюсь по сторонам.

Лес за мной тихий и неподвижный.

Никто не бежит за мной. Не видно ни полицейских, ни собак, ни Игоря с Мальте.

Неужели мне удалось ускользнуть?

До меня доходит, что лучше выйти из света фонаря, где меня видно как на ладони. Во рту вкус блевотины, грудь горит огнем. Я схожу с дорожки в лес.

В темноте передо мной виднеются очертания валуна, где мы с Лиамом прятали тайные послания, порнокартинки и конфеты в детстве.

Подхожу ближе, ставлю сумку на мокрый гранит и раскрываю молнию. Моргаю не привыкшими еще к темноте глазами.

В сумке куча пачек с банкнотами. Непонятно, сколько там

денег, но не меньше ста тысяч крон. А может и больше. Я прикидываю – по меньшей мере, двадцать пять крупных пачек.

Беру одну из пачек.

Сколько здесь? Сотня?

Если в каждой пачке по сто, а в сумке двадцать пять пачек, то всего в ней двести пятьдесят тысяч крон.

У меня засосало под ложечкой.

Что, если полиция поймает меня с сумкой?

Они упекут меня за решетку.

Я обдумываю варианты действий. Затем аккуратно застегиваю сумку и опускаюсь на корточки. Роюсь в ветках и листьях там, где, как я знаю, под камнем есть углубление. Запихиваю туда сумку, заваливаю листьями, поднимаюсь и бегу к парковке.

Рядом со старым ржавым «Вольво» стоит новенький черный сияющий мотоцикл Игоря – тот, на котором он давал мне прокатиться и который ненавидела мама.

Я смотрю на рисунок в виде языков пламени на баке для бензина и усиленно думаю.

Игоря арестовали. Думаю, он не будет возражать, что я его одолжил. Может, даже будет рад, что полиция его не конфискует. Так что я даже помогу Игорю.

А если я в чем-то и хорош, так это в угоне машин и мотоциклов.

Александра открывает не сразу. Мне пришлось долго звонить ей в дверь. И когда открывает, дверь на цепочке. Она с подозрением смотрит на меня.

– Проваливай, – шипит она.

Я ничего не понимаю.

– Ты белены объелась?

Александра пытается захлопнуть дверь у меня перед носом, но я тяну в другую сторону. Только сейчас я вижу, что глаза у нее мокрые от слез, а тушь размазалась по щекам. Волосы спутаны, одета она только в грязную футболку и трусы.

– Что произошло? – спрашиваю я.

– Какого хрена тебе понадобилось мутить с Жанетт? Ты меня унижить хотел?

В голосе слезы. Она закрывает дверь и молча стоит за ней, будто сомневается.

Я дергаю дверь, но цепочка не поддается.

– Черт, детка, это ничего не значит. Жанетт не... Это тебя я люблю.

– Ну да, *конечно*, – саркастически отвечает она, но в голосе слышны слезы.

– Впусти меня, детка. Этот двинутый Игорь гонится и за мной.

Про полицию я ничего не говорю, потому что Александре не нравится, что я нарушаю закон. Она утверждает, что предпочла бы, чтобы я работал контролером в метро, а не дилером.

Но, думаю, это ложь.

Без денег я был бы никем. Ни Александра, ни Жанетт не хотели бы иметь со мной дела.

Потому что я ничтожество. Ни на что неспособен. И у меня ничего нет.

Это горькая правда. Правда, с которой мне придется смириться.

Так оно и есть. Ты ничто. Ничто.

– Знаешь что, – тихо, но уверенно произносит она. – Мне надоело решать твои проблемы. Тебе пора повзрослеть. И не втягивай меня в ваши с Игорем аферы.

Она закрывает дверь, только чтобы через мгновение снова открыть.

– И прекрати звать меня *деткой*! – кричит она, брызжа слюной.

Дверь с грохотом захлопывается, и я остаюсь стоять на лестничной клетке.

Манфред

Афсанех крепко спит, хотя будильник звонил уже два раза. Длинные темные волосы разметались по подушке. Во сне она слегка похрапывает. На прикроватной тумбочке – баночка с прописанным врачом снотворным и полупустой стакан с водой. Рядом с банкой – половина таблетки, которой там не было, когда я вчера ложился спать.

Видимо, она встала ночью и приняла еще полтаблетки снотворного.

Издалека слышно, как часы на церкви Хедвиг Элеоноры пробили семь. Кроме часов, ничего больше не слышно.

Поразительная тишина.

Много лет я жил в окружении детских звуков. Сперва старшие дети не давали мне передохнуть. Потом они выросли, уехали, и родилась Надя, и с ней начались крики, детские программы, грохот игрушек, таскаемых по полу туда-сюда.

Теперь тишину нарушают только дыхание Афсанех, скрип двери во внутренний двор и звук шагов по мостовой.

Есть что-то знакомое в этой тишине. И я знаю, что.

Арон.

После Арона тоже царила тишина.

Я вырос в районе Эстермальм в центре Стокгольма. Даже в самых смелых фантазиях ни я, ни мои родные не могли представить, что я стану полицейским. Не об этом мечтали

мои буржуазные высокообразованные родители.

Предполагалось, что мы с Ароном получим научную степень.

Разумеется, мы сами могли выбрать дисциплину, если это были юриспруденция, медицина или, на худой конец, экономика. Искусствознание и литературоведение тоже могли сгодиться, если у ребенка сильно развито эстетическое чувство.

Мы с Ароном были близнецами.

Однояйцевыми близнецами, даже родителям и друзьям не удавалось нас различать.

Когда нам исполнилось двенадцать, что-то случилось. Арон перестал есть. Утверждал, что не может глотать. Родители возили его по врачам, но те могли только констатировать, что физически он здоров, следовательно, причину нужно искать в психике.

Недели шли, а Арону становилось только хуже. Он худел и худел, а я толстел и толстел.

Наверно, ел за нас двоих.

Наконец Арон исхудал так, что торчащие ребра натягивали тонкую кожу, а коленки напоминали головки на спичках, в которые превратились его ноги. Он был так слаб, что мог только лежать на диване марки «Свенск Тенн» в нашей просторной гостиной, смотреть телевизор и пить газировку через трубочку.

Однажды папа сказал, что с него хватит, поднял Арона с цветастого дивана, отнес на руках в машину и отвез в боль-

ницу.

Домой Арон больше не вернулся.

То, что врачи считали психосоматическими проявлениями, оказалось агрессивной опухолью поджелудочной железы, вросшей в желудочный тракт.

Рак быстро прогрессировал, и Арон умер через два месяца.

И тогда в доме воцарилась тишина – такая же, как сейчас в нашей с Афсанех квартире.

Эта тишина вырастает из пустоты, оставленной после себя человека, без которого ты не мыслил свое существование. Тишина, сопровождаемая парализующими болью, горем и тоской. Много лет спустя, когда моя бывшая жена Беатрис забрала детей и ушла, я тоже вот так сидел, оглушенный тишиной, и чувствовал огромную пустоту внутри.

Причина была банальной: она сказала, что я слишком много работаю и мало времени уделяю семье. Чего она не сказала, так это что встретила адвоката по имени Хассе. Этот Хассе вращался в правильных кругах, у него были летние домики в Торекове и Вербье. Этот мужчина мог дать ей то, о чем она мечтала, потому что жена полицейского из Беатрис была никудышная.

Я не сильно переживал из-за развода с женой, но страдал от разлуки с детьми. После разрыва я мог видеть их только каждую вторую неделю.

Я обещал Афсанех, что на первом месте у меня будет На-

дя и только на втором – работа. Что на этот раз все будет по-другому.

Я поворачиваюсь на бок – спиной к Афсанех. На полу за тумбочкой виднеются красные и синие кубики лего – отрывочные образы-напоминания о другой жизни.

Надеюсь, что мне еще представится возможность быть любящим и заботливым отцом. Надеюсь, еще не слишком поздно.

Вернувшись в участок, вижу, что Малин с Дайте и с еще одним незнакомым мне полицейским лет сорока сидят перед компьютером. Незнакомец худой и жилистый, похожий на марафонского бегуна с внешностью жителя Южной Европы или, может быть, Ближнего Востока.

На экране идет видео в плохом качестве с камеры на парковке. Внезапно один из автомобилей взрывается, а вслед за ним второй.

– Еще раз, – просит Дайте, и полицейский нажимает на повтор.

Дайте проводит рукой по растрепанной бороде и выдвигает вперед подбородок так, что становится похожим на хитрую щуку, затаившуюся в камышах.

– Стоп! – командует он. – Вот там? Видишь? Дым белый, а это указывает на то, что взрывчатое вещество содержало порох. Думаю, самодельная взрывчатка, какую можно изготовить дома, например, трубчатая бомба или сделанная из

пароварки. Говоришь, другие машины тоже пострадали?

– Слабо сказано, – отвечает смуглый полицейский. – Мы нашли осколки в радиусе ста пятидесяти метров.

– Осколки? – Дайте, прищурившись, изучает картинку на экране. – Тогда, наверное, пароварка. Мы также видим, что было два взрыва. Судя по всему, радиоуправляемые бомбы или с часовым механизмом. Простую бомбу каждый идиот может собрать дома, но тут явно что-то посерьезнее. Поговори с нашими экспертами по взрывчатке, они лучше в этом всем разбираются.

Незнакомец благодарит Дайте, встает, вынимает флешку и идет прочь к лестнице.

– Привет, – улыбается мне Малин. – Ты знал, что Гуннар раньше был криминалистом?

Я качаю головой.

– Пароварка? Ими кто-то еще пользуется?

– Конечно, – невозмутимо отвечает Дайте. Кивает на экран, на котором от автомобиля поднимается дым. – Это мое хобби, – поясняет он, потирая нос. – Анализ видео и изображений. И взрывными устройствами я тоже интересуюсь.

Меня подмывает сказать, что я думал, его главное увлечение – женщины, но разумеется, держу язык за зубами.

– Пора? – спрашивает Малин.

– Пора, – отвечаю я.

Мать Юханнеса Ахонена живет на верхнем этаже много-

этажки в центре Юрдбру, недалеко от станции.

Мы входим в дом и вызываем лифт. Он старый и разбитый, стены сплошь испещрены именами, ругательствами и неприличными рисунками, вырезанными острыми предметами. Зеркало, покрывающее одну стену, матовое, словно его много лет полировали железной сеточкой для хозяйственных нужд.

Навещать родных покойного – одна из самых неприятных задач в полиции, избежать которой никому не удастся. Несмотря на всю тяжесть таких визитов, мы осознаем их важность. Наш долг не только расследовать преступление, наш долг также рассказать семье покойного правду о том, что произошло на самом деле.

Но на этот раз все сложнее, потому что личность найденного в море покойника еще не установлена. Мы не знаем, Юханнес Ахонен ли это.

Может, он сейчас пьет пиво в ресторане. Или развлекается с девушкой у нее дома в соседнем квартале. Может, это кто-то другой лежит в холодильнике морга в Сольне, мертвый, распухший и покрытый *трупным воском*.

И хотя мы не знаем наверняка, времени ждать результаты ДНК-экспертизы у нас нет. В отдельных случаях на нее уходит до двух недель. Вот почему мы здесь, чтобы поговорить с его матерью.

По выходу из лифта Дайте идет налево, Малин – направо, а я встаю перед лифтом и жду. За моей спиной закрываются

двери лифта.

– Здесь, – объявляет Дайте, останавливаясь в дальнем правом углу.

Мы с Малин идем туда, пока он звонит в дверь.

Резкий дверной звонок хорошо слышно на лестничной площадке. Через пару секунд раздаются шаги. Дверь открывает невысокая женщина лет сорока пяти. Осветленные волосы собраны в узел. Одета женщина в черные легинсы и блузку в цветочек.

– Туула Ахонен? – уточняет Малин и демонстрирует полицейское удостоверение.

Женщина кивает и смотрит на нас во всех глаза.

– Меня зовут Малин Брундин. Это я вам звонила. Можно войти?

Она кивает и отступает назад, не говоря ни слова.

В маленькой квартире все дышит уютом. Диван в минималистичной гостиной украшен яркими подушками. Стены – плакатами в рамках с изображениями тропических пляжей и закатов.

Туула показывает на диван.

– Присаживайтесь. Здесь удобнее, чем на кухне. Хотите чего-нибудь? Чаю, кофе?

Она говорит почти без акцента. Если бы не финское имя, я бы и не догадался, что она иностранка.

– Не нужно, спасибо, – отвечаю я. – Мы ненадолго.

Малин с Туулой опускаются на пуфики, покрытые овечьи-

ми шурами. Мы с Дайте садимся на диван. Колено пронзает острая боль, от которой у меня перехватывает дыхание.

Мы с Туулой встречаемся глазами.

– Вы его нашли?

– Мы пока не знаем. – Я говорю как есть. – Мы хотели задать вам несколько вопросов, если вы не возражаете.

Туула пожимает плечами, тянется за пачкой «Мальборо» без фильтра, вытряхивает сигарету и прикуривает.

– Я уже общалась с вашими коллегами, – говорит она, затягивается и смотрит в окно.

Из окна видны еще несколько многоэтажек на фоне ярко-синего неба и зеленые верхушки деревьев.

– Мы знаем. Простите за беспокойство, – произносит Малин.

Дайте достает блокнот и ручку, прокашливается и задает вопрос:

– Так Юханнес пропал в марте?

Туула пожимает плечами, проводит рукой по обесцвеченным волосам, ее лицо принимает выражение, которое сложно истолковать. Выглядит так, словно она улыбается, но грустной и ироничной улыбкой.

– Ну... – тянет она, не зная, как начать. – Я сама точно не знаю. Юханнес часто пропадал надолго. Порой его не было несколько дней или недель. И он никогда не рассказывал, где был. И жил он то тут, то у своей девушки. Я была не в курсе его передвижений. Но я заявила об исчезновении в конце

марта, а не видела его с начала месяца. Так что...

Она оставляет фразу незаконченной и стряхивает пепел в крошечную серебряную пепельницу. Потом принимается изучать наманикюренные ногти.

– И ни вы, ни девушка Юханнеса ничего о нем не слышали с тех пор? – продолжает Дайте.

Туула качает головой так, что и пучок на макушке приходит в движение.

– Нет. Бедная Бьянка. Через месяц должен родиться малыш. Кто знает, увидит ли он когда-нибудь отца.

Я вспоминаю, как читал, что девушка в момент исчезновения Юханнеса была беременна.

– У Юханнеса были судимости за незаконное хранение оружия, наркотиков и кражу. Полгода он провел в колонии для трудных подростков, когда ему было семнадцать...

– Это вообще-то было три года назад, – перебивает Туула и расплющивает окурок о дно серебряной пепельницы. – Не понимаю, почему вы все время об этом твердите. Он исправился.

И без предупреждения разражается слезами.

Дайте наклоняется вперед и накрывает ее руку своей.

– Туула, – просит он.

Рука вздрагивает, словно она хочет ее отдернуть, но потом происходит следующее.

Их взгляды встречаются, Туула успокаивается, на щеках ее вспыхивает румянец. Они молчат, но все мы чувствуем

напряжение, возникшее между ними. Эти долгие взгляды, это бесконечное касание.

Так это правда, думаю я. Все эти истории про легендарного донжуана Дай-этому-случиться.

Но мгновение заканчивается, Дайте выпускает ее руку, и взгляд Туулы устремляется в пол.

– Я боюсь, что вы несерьезно относитесь к его исчезновению. Вы не будете ничего расследовать только потому, что считаете его преступником.

– Мы подходим к исчезновению Юханнеса со всей серьезностью, – заверяет Дайте. – Вот почему мы здесь. Но нам нужно знать, чем он занимается сегодня. Есть ли у него враги. Были ли у него причины... – Он подбирает слова. – Не было ли у него депрессии?

Туула кивает и тянется за салфеткой. Громко сморкается и сминает салфетку в шарик. Когда она заговаривает снова, голос у нее сиплый, как при простуде.

– Не было у него никакой депрессии. И вел он себя примерно. Работы у него, правда, не было. Но сейчас это повсеместное явление. Но ничем незаконным он не занимался. Я бы знала.

Малин смотрит на меня и едва заметно поднимает брови.

Нам часто приходится общаться с родителями, которые отказываются верить, что их дети способны на преступления.

– Он получал угрозы? – спрашиваю я.

– Угрозы? Если ему что и угрожало, то это я, – сухо смеется Туула.

Она разглаживает шарик из салфетки и снова сморкается. Дайте красноречиво смотрит на меня. Я киваю.

– В субботу в южной части Стокгольмского архипелага нашли тело молодого человека.

– Боже мой, *нет*, – стонет Туула и обхватывает себя руками.

Малин поднимает вверх руку.

– Мы пока не знаем, о ком идет речь, – медленно произносит она, четко выделяя каждое слово. – Но у покойника была татуировка. У нас есть снимок. Сможете на него взглянуть?

Туула не отвечает. Только качается взад-вперед на пуфе.

Малин беспомощно смотрит на меня, я снова киваю, и она достает из сумки фотографию. Поколебавшись пару секунд, добавляет:

– Помните, что это только татуировка. Даже если она покажется вам знакомой, это не означает, что тело принадлежит Юханнесу. Такие татуировки могли быть и у других людей.

Малин кладет фото на столик и пододвигает к Тууле.

Туула застывает. Протягивает руку и проводит по снимку с татуировкой орла.

– Нет, – шепчет она. – *Нет*.

Пернилла

Вторник.

Прошло почти двое суток с тех пор, как я выставила Самуэля из дома. Я с ума схожу от тревоги. Ночью глаз не сомкнула. Ворочалась в постели, молилась, постоянно проверяла мобильный – нет ли весточки от сына.

Перед выходом из дома покормила дрозда. Мне кажется, он смотрел на меня обвиняюще.

Хотела послать Самуэлю эсэмэс, но передумала.

Восемнадцать лет.

Самуэль уже почти взрослый, хоть его поведение и оставляет желать лучшего. И если не преподать ему урок сейчас, то он никогда ничему и не научится.

Крупная женщина в спортивном костюме подходит к кассе с тележкой, до краев нагруженной полуфабрикатами.

Я на автомате улыбаюсь, покупательница улыбается в ответ.

– Какая чудесная погода сегодня, – отмечает она.

– Наконец наступило лето, – киваю я. – Я уже и не ждала, что это случится. Я имею в виду, весна такая холодная, но тепло тут и...

Я ловлю себя на том, что мелю чепуху и замолкаю. Щеки вспыхивают. Но женщина только улыбается в ответ.

Начинаю сканировать товары, но тут же останавливаюсь:

– Вы в курсе, что эти сыры чеддер идут по девяносто девять крон за два? – спрашиваю я. – У нас сейчас сырная неделя. Может, хотите взять еще один?

– Большое спасибо, возьму, – благодарит она, поворачивается и идет к полкам с сыром.

Мне нравится моя новая работа.

Я всего три недели в супермаркете «Ика», но уже чувствую разницу по сравнению с работой на неполный день в школьной столовой гимназии Худдинге. Тут я имею дело со взрослыми приятными людьми, которые не швыряют блюда о стену, не кричат и не прибегают к непристойностям, выражая свое мнение о качестве еды.

В супермаркете даже послали на курсы и обещали в долгосрочной перспективе карьерное развитие. Все то, что было невозможно столько лет, снова стало возможно теперь, когда Самуэль повзрослел и стал спокойнее.

Почти взрослый.

Годы так быстро пролетели.

Кто-то кладет мне руку на плечо. Я оборачиваюсь.

Это Стина Свенссон, заведующая магазином. Женщина лет шестидесяти с ярко-рыжими волосами и загорелой кожей после солярия.

– Вижу, дела идут хорошо, – отмечает она. – Ты любезна с покупателями. Это очень важно.

– Спасибо, – благодарю я с улыбкой, чувствуя, как горят щеки.

Кто-то прокашливается, я отвожу взгляд от Стины, но вместо крупной женщины передо мной стоят двое полицейских в униформе.

– Пернилла Стенберг? – спрашивает полицейский постарше. На вид ему под пятьдесят. У него пивной животик и волнистые седые волосы.

– Да?

– Мы из полиции, – сообщает он, хотя это и так понятно. – Мы хотели бы поговорить с вами о вашем сыне Самуэле. У вас будет несколько минут?

Сердце уходит в пятки.

– С ним что-то случилось? – шепчу я. Стина легонько сжимает мне плечо.

Полицейские переглядываются.

– Нет, мы тут по другому поводу, – отвечает полицейский помоложе и проводит рукой по козлиной бородке. – Мы можем поговорить наедине?

Мы стоим на складе среди коробок, нагроможденных одна на другую. Тут тесно, пахнет мокрым картоном и гнилыми фруктами.

– Вчера около девяти вечера вашего сына видели в компании опасных преступников в промышленном районе к югу от Фруэнгена, – сообщает полицейский постарше, пытаясь поймать глазами мой взгляд. – У нас есть все основания подозревать, что эти лица торгуют наркотиками и что ваш сын

тоже вовлечен в эту торговлю.

– *О нет*, – шепчу я, чувствуя, как меня шатает. Делаю глубокий вдох, опираюсь руками о колени. Голова кружится, в ушах шумит.

Слова полицейского не вызывали у меня шок, нет. Я, конечно, старомодна, но я не дура. Я сразу поняла, что было в пакетиках у Самуэля, и давно уже заметила, что он откуда-то берет деньги. Естественно, я его спрашивала, но он выдумывал разные подработки, а дорогая одежда, по его словам, вся из аутлетов.

Полицейский неуклюже поглаживает меня по плечу.

– Послушайте. Самуэль еще молод. Еще можно вмешаться и помочь ему. Но для этого нам нужно его найти. Вам известно, где он?

Я выпрямляюсь, смотрю ему в глаза, опираюсь на пирамиду из коробок, которая угрожает обвалиться под моей тяжестью.

Медленно качаю головой.

– Нет, не знаю. Я выставила его из дома в воскресенье. Нашла кое-что... Что-то, что...

На мгновение думаю, не солгать ли, но ложь – это грех. Если Самуэль сделал что-то противозаконное, то должен понести наказание, искупить свой грех.

– Не знаю, что это было, – продолжаю я. – Похоже на белый порошок в маленьких пластиковых пакетиках. Я решила, что это наркотики, и выгнала его из дома. С тех пор я

ничего от него не слышала.

Как я ни стараюсь, не могу удержать слезы. Они ручьем текут по щекам, размазывая макияж, который я так старательно наносила утром перед зеркалом в ванной.

Полицейский не обращает внимания на мои слезы, но мягко спрашивает:

– Что вы сделали с пакетиками?

– Выбросила. В мусоропровод.

Возникает пауза. Я вижу, как полицейские переглядываются. Наверняка думают, что я чокнутая. Чокнутая мать-неудачница, не способная даже на такую малость, как воспитать из сына законопослушного гражданина.

– Ладно, – говорит полицейский. – В помойке они вряд ли кому-то навредят. Когда это было?

– В воскресенье. В половине восьмого. Так мне кажется. Я не смотрела на часы, но помню, что сразу после этого приехал мусоровоз. Я подумала, что странно, что он приехал так поздно, да еще и в воскресенье. Они теперь забирают мусор крайне нерегулярно. Видимо, какие-то проблемы с ключами...

Старший полицейский прокашливается. Судя по всему, проблемы с вывозом мусора в Фруэнгене его мало интересуют.

– У вас есть представление, куда он мог пойти? Может, к родственникам?

– Его отца нет в живых, – отвечаю я коротко. – Дедушка

в больнице. Других родственников у нас нет.

У меня ноет в груди при мыслях об отце.

У него рак, он умирает в хосписе. Я пыталась заставить Самуэля навестить дедушку, объясняла, что ему недолго осталось, но Самуэль категорически отказался.

Не знаю, страшно ли ему или просто плевать.

– А друзья?

Качаю головой.

– Нет, хотя... У него есть один друг. Лиам. Лиам Линдгрэн. Он живет по-соседству. Дом номер восемь по нашей улице, если я не ошибаюсь. Они дружат с детства. Помню, уже в первом классе они были не разлей вода. Но вряд ли он ночует там. У них тесно. И собаки. Две или три. Не помню точно, но больше одной. Ой, что я говорю, у них две собаки. Крупная сдохла весной. Что-то с желудком. У собак такие чувствительные желудки.

Я замолкаю.

В который раз напоминаю себе, что не стоит столько болтать, особенно о всякой ерунде, которая не интересна полиции. Какое им дело до собак Лиама.

Полицейский достает визитку и кладет мне в руку.

– Позвоните, если он с вами свяжется. Мы хотим ему помочь, но нам надо с ним поговорить.

Я киваю и утираю слезы тыльной стороной ладони. Потом поправляю блузку и открываю дверь в торговое помещение.

Полицейские идут к выходу, а я остаюсь стоять в дверях

склада.

Стина и крупная женщина все еще стоят у кассы и смотрят на меня во все глаза.

Манфред

Компьютер Малин плачет, и она склоняется к нему. Сту-чит по клавишам, наклоняется еще ближе.

Мы два часа изучали всю информацию о Юханнесе Ахонене. Малин проверила стандартные источники – мобильно-го оператора, банк, перерыла все социальные сети и составила список друзей и родственников.

– Судмедэксперт написал, – сообщает она, хмуря брови. И через пару секунд: – Это он. Покойный Юханнес Ахонен.

– Это с самого начала было ясно, – комментирует Дайте. – Дай глянуть.

Он придвигает к себе ноутбуки читает письмо, поглажи-вая бороду.

– *Черт побери*, – бормочет Малин, и на секунду я вспоми-наю наш импровизированный участок в бывшем продукто-вом магазине в Урмберге, мороз, кусающий щеки, и порос-ший елями Урмберг.

Черт побери.

Любимое ругательство Андреаса. Неудивительно, что те-перь, когда они живут вместе, Малин тоже им заразилась.

– Бедная Туула Ахонен, – продолжает Малин. – Несчаст-ная женщина.

Перед глазами возникает мать Юханнеса, вся в слезах, по-качивающаяся взад-вперед на пуфике в квартире в Юрдбру.

Мне бы тоже хотелось, чтобы это был кто-то другой.

Но такое случается редко.

А если и случается, то у Кого-то Другого тоже есть родители и друзья, ничего с этим не поделаешь.

Мы сидим в небольшой переговорной с видом на парк. Солнце почти село, в парке темно. Видно людей, выгуливающих собак, и компанию, устроившую пикник на большом красном покрывале.

Мы с Малин переглядываемся, но молчим. Дайте невозможно продолжает читать. Время от времени хмыкает, словно соглашаясь со словами судмедэксперта.

– Личность установлена благодаря зубной карте, – отмечает он. – ДНК-анализ будет готов через неделю, но, разумеется, только подтвердит информацию. Вскрытие закончено. Отчет о результатах вскрытия поступит завтра, но она пишет, что причину смерти установить не удалось.

Малин тяжело вздыхает.

– Но ведь он весь был искалечен! – восклицает она и обхватывает растущий живот.

Дайте снова хмыкает.

– Это да. Все кости сломаны. Но уже после смерти – *post mortem*. Она не нашла кровотечения в окружающих тканях. Значит, в момент травмы мужчина уже был мертв. Да уж, она любит изъясняться загадками.

– И отчего же он тогда умер? – вопрошает Малин.

Дайте хохочет, словно это особо удачная шутка.

– Думаешь, это написано в письме? Ну нет... Сегодня из судмедэкспертов информацию приходится вытягивать тисками. Они так боятся совершить ошибку, что порой мне кажется, легче было бы самим провести вскрытие, чем обращаться к ним за помощью.

Малин смотрит на меня и едва заметно приподнимает бровь.

– Читаю еще раз, – продолжает Дайте. – Написано, что травмы высокой степени тяжести были нанесены посмертно. Травмы высокой степени тяжести? Это что еще за хрень? Неужели нельзя выражаться человеческим языком?

– Может, он попал в автомобильную аварию, – гадает Малин. – Или лодочную. Или упал с большой высоты...

Она осекается, осознав, что только что сказала. Дайте опускает глаза в пол.

– Прости, – смотрит на меня Малин.

Я не отвечаю. Но мне их жаль. Они так стараются не говорить ничего, что может меня расстроить, напомнить мне о Наде.

Будто это имеет какое-то значение.

Будто я не думаю о ней каждую минуту.

– И что теперь? – спрашивает Малин.

– Ждем результатов вскрытия, ДНК-экспертизы и химического анализа, – вздыхает Дайте. – Криминалисты тоже еще не закончили. Не знаю, чем они там занимаются. погоди! Они нашли остатки кожи под ногтями Ахонена. Возмож-

но, он защищался.

– Бинго! – расплывается в улыбке Малин, словно дело уже раскрыто. Разумеется, иногда случаются чудеса, ДНК совпадает с одним из тех, что уже в базе, и остается только поехать и взять подозреваемого. Проще, чем заказать пиццу по телефону.

– Но они не уверены, что удастся извлечь профиль ДНК, – продолжает Дайте. – Тело долго пролежало в воде. Так что не радуйтесь раньше времени, милочка.

Поворачиваюсь к Дайте.

– Ты говорил, что Ахонен был связан с Игорем Ивановым. Стоит копнуть глубже?

Дайте кивает:

– Определенно стоит, но связь довольно слабая. Три года назад Ахонена взяли на хранении большой партии кокаина. Двести грамм. Явно не для собственного потребления, а для продажи. Наши ребята установили, что кокс он купил у Мальте Линдена, хотя прямых доказательств тому не было. Тем не менее, по нашим данным, Мальте Линден работает на Игоря Иванова. А Игорь Иванов заправляет торговлей наркотиками на юге Стокгольма. Поэтому каждый, кто торгует наркотиками или покупает их, каким-либо образом с ним связан. Но прокурору об этом лучше не упоминать, потому что, прежде чем мы успеем произнести «обыск», он стащит с нас портки и посадит на раскаленное железо.

Дайте снимает очки, снова вздыхает и протирает их краем

рубашки.

– А Игорь Иванов и Мальте Линден? – спрашивает Малин. – Можно их найти, чтобы пообщаться?

Дайте криво улыбается, надевает очки и хмыкает.

– Можем, конечно, – говорит он. – Но вряд ли они что-нибудь нам расскажут.

Он поднимается, поправляет плохо сидящую рубашку и удаляется прочь в направлении чулана.

– И что в нем находят женщины? – стонет Малин. – Честно говоря, он просто козел.

– Просто ты не его целевая аудитория, – отвечаю я. – Или не старается тебя заинтересовать, зная, что у него нет шансов, – добавляю я, глядя на ее живот.

Малин кисло улыбается.

В помещении становится тихо.

– Как у вас дела с Андреасом? – спрашиваю я.

– Хорошо, – отвечает Малин. – Очень хорошо. Хотя он, конечно, деревенщина.

– А ты нет?

Малин хохочет.

– Я тоже. Я всегда думала, что уеду. Далеко от Урмберга. Это было моей мечтой.

– Иногда жизнь меняет наши планы, – замечаю я.

Малин долго смотрит на меня, но ничего не говорит.

– А как твоя мама? – осторожно интересуюсь я.

Малин мрачнеет и отводит глаза.

– Мы сейчас не общаемся, – бормочет она.

– Тебе стоит с ней связаться. Никогда не знаешь, сколько времени с близкими людьми отведено тебе судьбой.

Малин поглаживает живот, но ничего не отвечает.

Вернувшись домой, я вижу Афсанех на полу в гостиной перед коробкой с лего. Она бесцельно перебирает цветные кубики. Из одежды на ней только трусы и одна из моих старых рубашек. Растрепанные волосы закрывают лицо. На мой приход она никак не реагирует.

Я зажигаю свет, ставлю портфель на пол и подхожу к жене. Опускаюсь на корточки, кладу руки ей на плечи.

– Дорогая...

Она не отвечает.

– Вставай. Пойдем выпьем чаю.

– Ты сегодня не был в больнице, – говорит она, складывая вместе голубой и желтый кубики лего.

Я опускаюсь на пол рядом, обнимаю ее рукой за плечи, делаю глубокий вдох.

– Мне нужно было на собрание. По работе.

Афсанех разъединяет кубики.

– *Наде* ты был нужен.

В этом я с ней не согласен.

Ребенку в коме не нужны оба родителя сутки напролет. И как бы мне ни хотелось верить, что мое присутствие поможет ей выздороветь, не думаю, что это так.

Но Афсанех я этого сказать не могу.

Мы по-разному переживаем горе.

Горе Афсанех физическое, всепоглощающее, как природная стихия, ей постоянно нужно быть рядом с Надей. И говорить о ней. И она читает какой-то форум в Интернете, где пишут родители больных людей.

Наверное, она надеется, их боль поможет унять ее собственную.

Я же держу все в себе. Замыкаюсь, отстраняюсь. Веду себя так, словно я тоже умер.

По ночам мне снятся кошмары с Надей.

Я вижу два рода кошмаров.

В одном я бегу через кухню, чтобы не дать ей упасть. Но пол под ногами превращается в бесконечное поле. Чем дальше я бегу, тем дальше от меня окно, пока оно не превращается в едва заметную точку на горизонте.

В другом кошмаре я двигаюсь стремительно, словно мне не за пятьдесят, у меня нет лишнего веса и не болят колени. Я быстро преодолеваю расстояние между гостиной и кухонным окном. Одним прыжком – как гепард. Хватаю Надю за руки и втягиваю обратно в окно.

Разумеется, второй кошмар ужаснее первого, после него страшнее просыпаться.

Мне не хватило одной секунды, одного метра.

Чертова метра. Куда смотрел Бог, когда мой ребенок падал из окна?

Я тяжело поднимаюсь, игнорируя боль в коленях, и поднимаю Афсанех.

— Извини, что я не успел заехать, — говорю я, беру ее лицо в ладони и целую щеки.

Они мокрые и соленые от слез.

Афсанех кивает, обхватывает меня руками и крепко обнимает.

Не знаю, сколько мы так стоим. Под конец она произносит:

— Все будет хорошо. Все *должно быть* хорошо.

Я отвожу ее в спальню. Даю таблетку снотворного, приношу стакан воды, укладываю, как ребенка.

Целую в лоб, как всегда, когда она расстроена. Она улыбается, не открывая глаз, уже готовая погрузиться в блаженное забытие.

Потом подхожу к стулу у окна. Снимаю рубашку и вешаю на спинку стула. Снимаю брюки и кладу на сиденье.

Одежда мятая и бесформенная, как и моя жизнь.

Открываю шкаф и разглядываю свои вещи.

Костюмы моей любимой марки — «Нортон и Сыновья» с Сэвиль Роу в Лондоне — аккуратно висят на вешалках и ждут, когда их снова выведут в свет.

Портные с Сэвиль Роу сшили бесчисленное множество костюмов, рубашек и даже спортивной одежды для царей, королей и президентов. Сам лорд Карнарвон был одет в костюм от «Нортон и Сыновья», когда обнаружил захоронение

Тутанхамона в Долине фараонов в 1922 году. И годом позже, когда умирал в Каире от инфекции, вызванной укусами насекомых, он тоже был в любимой одежде. Я могу представить его на ложе смерти с испариной на лбу, но в безупречном костюме «Харрис Твид» и аккуратно подстриженными усами.

Знаю, что зануда, но я обожаю все это – историю, мифы, ручную работу. Качество, мастерство, передаваемые от отца к сыну в нескольких поколениях. Возможность приобрести одежду, которую можно носить всю жизнь. Одежду, которая не имеет ничего общего с истерией потребления и идеологией моды на один сезон.

Провожу рукой по рукаву пиджака.

Кончики пальцев ощущают шершавую ткань.

Эта ткань изготовлена в ткацкой мастерской на Внешних Гебридских островах. Семейный бизнес в четвертом поколении. Рисунок ткани тот же, что и пару столетий назад. Менять его в соответствии с капризами моды было бы верхом безвкусыя.

Уже один этот рисунок стоит того, чтобы отправиться в Лондон и заказать костюм.

Закрываю шкаф.

Дверцы тяжело вздыхают, закрывая мою прежнюю жизнь, как крышку гроба. Все, что мне остается, это мятые брюки, такая же мятая рубашка и ощущение, что жизнь ускользает от меня безвозвратно.

Самуэль

Ветви в кроне дерева над головой образуют причудливый узор. Кажется, что сотни деревянных пальцев переплелись с листьями, чтобы дать мне защиту.

Я словно лежу в шалаше. Волшебном шалаше, какой мы с Лиамом однажды построили в парке рядом с больницей Лонгбру.

Я сажусь.

Спина ноет, от холода тело окоченело. Толстовка и джинсы сзади мокрые от травы.

Солнце уже высоко. Погода безветренная. Я вижу впереди прибрежные скалы, а за ними – синее и гладкое, как зеркало, море. Вдали застыла парусная лодка с опавшим парусом, на камень в воде примостились чайки.

Larus canus.

Сизая чайка. В прошлом их было запрещено убивать. Люди верили, что в них вселяются души утонувших рыбаков.

Тут есть и другие птицы. Я вижу пять гаг с выводком утят – не меньше десятка. И еще большой крохаль, морские чайки и лебедь-шипун. Во всяком случае, мне кажется, что это он, потому что слышен был свист крыльев, когда он пролетал мимо, а лебеди-кликуны летают бесшумно.

Различать птиц меня научил дедушка. Как и многим другим вещам о природе. Я буквально заболел птицами. Нарыл

все, что можно было нарыть о них, и мечтал завести собственную птицу, но мама была против, говоря, что они грязные и воняют.

Но теперь, когда у меня наконец есть птица, мне хочется выпустить ее на свободу.

Птицам не место в клетке.

Я дрожу.

Мне холодно, голодно и хочется пить. Организм требует чего-то более существенного, чем шоколадка «Дайм», которую я съел вчера перед сном.

После того как Александра отказалась меня впускать, я поехал к Лиаму. Но дома была его мамаша. И мне она была явно не рада. Даже у ее мелких визгливых собачек был злобный вид. Она заявила, что Лиамы нет дома и что нечего с ним соваться посреди ночи.

Мне пришлось переночевать в подвале у Лиамы. Разрешения у его мамы я не спрашивал. С какой стати? Ключ у меня был, и я никому там не мешал.

Проснувшись, я отправил Лиаму эсэмэс, в котором объяснил ситуацию и спросил, нельзя ли у него перекантоваться пару дней.

Он ответил, что это плохая идея. Полиция уже была там, расспрашивала обо мне, что привело его мамашу в дикую ярость. Она грозилась отключить Интернет и выгнать Лиаму из дома.

Я пытался возразить, что если она его выставит, то не важ-

но, работает Интернет или нет, но Лиам ответил только, что я сам виноват, раз нарушил данное ему обещание не работать на психопата Игоря.

Ситуация была странная: я лежал на полу в чулане и переписывался с Лиамом, который находился в том же доме парой этажей выше и понятия не имел, что я в подвале. Да еще и полиция заглядывала к ним, пока я спал.

И еще один вывод я сделал из полученной от Лиам информации.

Копы явно знают, что это я был тогда на заброшенном заводе. Иначе с чего бы им обо мне расспрашивать? А это означает, что они в курсе того, что я работаю на Игоря.

Это меня не на шутку напугало. Они наверняка завели на меня досье – с фото и информацией.

Как в сериале «C.S.I.: Место преступления».

И я решил свалить из города. Сел на байк Игоря, стоявший в гараже в подвале дома Лиам, и в панике погнал куда глаза глядят. Остановился я только, когда дорога кончилась и началось море.

Теперь я пытаюсь проанализировать положение дел. Посмотреть на ситуацию так, словно это математическая проблема, а не моя жизнь, летящая ко всем чертям.

Полиция у меня на хвосте.

Игорь наверняка хочет меня убить.

Мамаша выгнала меня из дома.

Александра истерит и считает меня козлом только пото-

му, что я немного позаигрывал с Жанетт. А Лиам наложил в штаны из-за того, что копы навестили его и задали пару вопросов.

И в довершение всего у меня нет денег.

Я поднимаю с земли бычок, отряхиваю от мокрых травинок, подношу к губам, достаю зажигалку, чиркаю железным колесиком, делаю две затяжки и тушу сигарету о траву.

Я придурок.

Знаю, что мне нужно затаиться. Но пойти мне некуда. Не могу же я спать на улице и питаться солнцем и морским воздухом, как хренов одуванчик.

Начинаю теревить браслет из бусинок на запястье. Переворачиваю бусинки, чтобы видно было буквы.

МАМА.

Я словно вижу ее перед собой. Волосы с проседью, тревога в карих глазах. Вечный золотой крест на шее. Бесконечное нытье о том, что я должен взять себя в руки и что все будет хорошо, как только я впущу Иисуса в свое сердце.

Интересно, где Иисус был в понедельник?

Так, просто любопытно.

Мне стоило бы позвонить мамаше, но я не отваживаюсь. Наверняка с ней копы тоже говорили. Только придурки так поступают: бегут плакаться к мамаше после того, как грабеж, драка или сделка пошли не так, как планировалось.

Поднимаюсь. Отряхиваю землю и траву с брюк, подхожу к кустам, расстегиваю ширинку и отливаю.

Даже член мерзнет. Он словно съежился и ныкается, как маленький напуганный зверек.

Может, вломиться в чей-нибудь летний домик?

Но в это время года это рискованно.

Застегиваю ширинку и смотрю на мотоцикл Игоря, спря-
танный в кустах. Хромированная сталь и черный лак поблес-
кивают на солнце между ветвями. Язык пламени словно го-
рит на баке.

Застегиваю брюки одной рукой, другой открываю лока-
цию в «Снэпчате».

Лиам дома. Александра у Жанетт. Ноет под ложечкой при-
мысли, как они поливают меня грязью. Как Александра ры-
дает, а Жанетт ее утешает.

*Не плачь, милая. У нас с ним ничего не было. Просто что-
бы ты знала. Он лузер.*

Смотрю «Инстаграм» Жанетт.

Она выложила фото в бикини перед зеркалом в коридоре.
На фото она выпячивает грудь, вытягивает губки бантиком
и одной рукой проводит по длинным волосам.

В другой раз от такого снимка у меня бы встал, но не се-
годня.

Триста девяносто идиотов поставили лайки.

У Жанетт две тысячи подписчиков в «Инстаграме». Она
выкладывает не менее пяти фоток в день. Обычно в кофточ-
ке с вырезом или со своим щенком на коленях. Или с щен-
ком, зажатом между грудями, как котлета в бургере между

булками.

Вот что делает ее такой популярной.

Читаю сообщения. Один из приятелей Лиама выложил ссылку на «Твитч», где какой-то чувак обещал транслировать свое самоубийство в прямом эфире. Но ссылка не открывается. Собираюсь снова попробовать, как слышу шум приближающейся машины.

Делаю шаг в кусты, чтобы меня не заметили, и жду, что машина проедет мимо. Но вместо этого она останавливается в двадцати метрах от меня. Хлопок дверцы, потом еще один.

Слышу голоса, и эти голоса кажутся мне знакомыми.

– Где? – спрашивает один.

– Я откуда знаю? Но должно быть где-то здесь.

Сквозь листву вижу двух мужчин. Один невысокий, пухлый, в джинсах, висящих на бедрах. Он кажется мне смутно знакомым, как дальний родственник, которого встречаешь раз в году на Рождество.

Другой высокий, со сгорбленными плечами. Тонкие русые волосы свисают на лицо. Футболка болтается на впалой груди.

Сердце уходит в пятки. Мне кажется, я сейчас умру от страха.

Потому что второй чувак это Мальте, шестерка Игоря.

– Проверь! – командует Мальте и прикуривает.

– О'кей, – отвечает второй и что-то достает из кармана куртки.

Почему Мальте не в тюрьме? И, что еще важнее, как они меня нашли, черт возьми?

Голова соображает медленно, но через секунду до меня доходит.

Мобильник.

Это, должно быть, хренов мобильник. Мне его дал Игорь. И наверняка начинил системами слежения.

Что этот псих установил на телефон? Это в его стиле — шпионить за подчиненными.

Дрожащими руками я вынимаю телефон, чтобы отключить, но он выскальзывает у меня из рук и шлепается на землю.

Я беззвучно матерюсь, опускаюсь на корточки и роюсь среди сухой листвы. Острые сучки царапают мне щеки, в нос ударяет запах мокрой земли и зелени.

Наконец я нащупываю кончиками пальцев теплый металл. Сжимаю телефон и ищу кнопку на боку, чтобы его отключить.

Проходит целая вечность, прежде чем экран темнеет.

Я сижу неподвижно. Смотрю на Мальте, который тихо разговаривает с другим чуваком на обочине.

Я боюсь пошевелиться от страха. Сижу и не дышу. Знаю, что если они меня найдут, то живого места на мне не оставят.

Или что еще хуже.

Думаю о том, что рассказывал Лиам. О чуваках, которые обманули Игоря. Которых он связал и утопил как котят.

– ...нет... может позже... чертов сигнал... голоден...

Слова парят в утреннем воздухе, как ласточки. Попадают ко мне в виде фрагментов, осколков и ждут, что я соберу их в одно осмысленное целое.

Ноги болят, я осторожно выпрямляюсь. Но кофта цепляется за ветку, и раздается хруст.

– Какого хрена? – восклицает Мальте.

– Похоже...

Мальте озирается.

– Пошли отсюда, – говорит толстый. – Пора перекусить.

Мальте не отвечает. Вместо этого выпрямляется и идет прямо по направлению ко мне.

Я не шевелюсь и стараюсь дышать как можно тише, но это невозможно. Сердце бьется как после стометровки.

Мальте останавливается с другой стороны кустов – в четырех метрах от меня максимум.

Он стоит лицом ко мне. Я уже думаю, что он меня заметил. Но тут он опускает руки вниз и расстегивает ширинку. Через секунду струя мочи ударяет в землю.

Сердце потихоньку успокаивается, возвращается к прежнему ритму. Дыхание становится ровнее, плечи расслабляются.

Мальте застегивает ширинку и поворачивается ко мне спиной. От запаха его мочи меня тошнит.

Но сердце спокойно.

Сердце знает.

На этот раз мне повезло.

Я наверно еще час просидел в кустах после того, как Мальте с его жирдяем уехали. Наконец решаю, что безопаснее будет уехать.

Сажусь на мотоцикл и еду вдоль берега на юг. Ветер бьет мне в лицо. Вокруг меня шведское лето. Зелень такая яркая, что режет глаза. Кажется, что это компьютерная игра, а не настоящее поле. Пахнет травой, навозом, морем.

Я не знаю, что меня ждет впереди, знаю лишь, от чего бегу.

Страх толкает меня вперед по пыльной проселочной дороге мимо полей, красных летних домиков с дачниками-отпускниками и ферм с настоящими фермерами, у которых настоящие тракторы и настоящие коровы.

Дорога сужается. Я проезжаю дорожный указатель, на котором написано «Стувшер 2», еще через пару минут въезжаю в сонную гавань.

Вид тут как на открытке.

Море блестит среди полированных гранитных скал. Красные домики выстроились вокруг гавани с причалом для катеров. В одном из домиков – ресторан, в другом – продуктовый магазин.

Здесь дорога кончается. На повороте автобусная остановка. Слева от нее большая парковка, почти полностью заставленная автомобилями. Рядом с причалом бензозаправка, на

которой, судя по вывеске, можно купить все для лодок. Дорожный указатель указывает дорогу к гавани для яхт, которая находится по соседству.

Среди красных домиков выделяется один старый желтый каменный дом. На двери старомодная вывеска.

«Администрация порта» – значится на ней.

Под табличкой кто-то наклеил самодельный плакат «Краведческий музей & библиотека».

Я сижу в так называемой библиотеке. Размером она с нашу с мамой квартиру. И явно работает на общественных началах. Так, во всяком случае, было написано в коридоре.

Тетка за стойкой странно посмотрела на меня, будто я бомж какой-то, но ничего не сказала. Только кивнула и поправила очки на носу указательным пальцем.

Живот урчит, переваривая украденный в магазине бутерброд, и я наконец-то согреваюсь. Теплый и сытый, я поудобнее устраиваюсь в кресле перед старым компьютером с толстым экраном. Такой в Интернете не то что продать, даже бесплатно уже не отдать.

В книжных стеллажах вдоль стен – книги, посвященные шхерам, и старые морские карты.

Красть здесь нечего. Это было первое, что я проверил.

Гуглю Игоря, но безрезультатно. Впрочем, в этом нет ничего странного, потому что

а) я не знаю его фамилию, б) зачем полиции сообщать

имена задержанных. Порывшись как следует, нахожу заметку в районной газете. Там написано, что

В понедельник в промышленном районе под Фруэнгенем в ходе задержания произошла перестрелка между полицией и группой подозреваемых.

Там написано только это и что начато внутреннее расследование, что говорит о том, что это не первый такой инцидент.

Не знаю, что такое инцидент, и мне лень гуглить. Вместо этого набираю в поисковике «Стувшер» и «снять комнату».

Компьютер долго думает и выдает пустую страницу.

Я пробую «Стувшер» и «вакансии» больше из любопытства, потому что работать мне совсем не хочется. Ни в Стувшере, ни где-либо еще.

Компьютер кряхтит, словно я попросил о невозможном. Словно спросил размер Вселенной или в чем смысл этой чертовой жизни.

Ну тут поисковик выдает один результат.

Я кликаю и читаю объявление. Снова и снова, одновременно продумывая план действий.

Семья, проживающая недалеко от Стувшера, ищет помощника для своего сына-подростка с инвалидностью. От кандидата ждут не выполнения стандартных обязанностей помощника, поскольку родители сами ухаживают за ним, а общения и поддержки. Их сыну нужен компаньон, который будет читать ему книги, слушать с ним музыку и помогать

по дому.

Я закрываю глаза и напряженно думаю.

Естественно, у меня нет никакого желания развлекать ка-леку в Стувшере, но теплая постель и горячий душ звучат заманчиво. Может, неплохо было бы затаиться и денег подзаработать, пока не придумаю, как выбраться из всего того дерьма, в которое меня угораздило вляпаться.

Пернилла

Я еду в метро до станции «Фридхемсплан», где находится хоспис.

Одна из медсестер позвонила сообщить, что отцу стало хуже и что он хочет меня видеть. Я, разумеется, встревожилась, но не восприняла это сообщение серьезно: я часто получаю такие звонки, когда у отца плохое настроение.

За окном пролетают свежая зелень деревьев и цветущая сирень. При других обстоятельствах я бы наслаждалась зеленью и теплом, но не сегодня. Отец при смерти. От Самуэля по-прежнему нет вестей.

Три дня.

Три дня прошло с тех пор, как я выгнала его из дома, и мне стоит невероятных усилий не набрать его номер. Никогда раньше мы не расставались так надолго.

Я закрываю глаза, чувствую тепло солнца, согревающего лицо через стекло, и думаю о том майском дне восемнадцать лет назад, когда на свет появился Самуэль.

Папа все время был в больнице. Мерил шагами коридор перед родильным отделением, волнуясь, словно будущий отец. Одна из акушерок даже решила, что он мой муж. Отца это здорово рассмешило, мне же было страшно неловко.

Сами роды я помню плохо, помню только, что больно было нечеловечески. Но боль сменилась ощущением бескрай-

него счастья, стоило мне прижать мокрое маленькое тельце сына к груди. Я сразу поняла, что назову его Самуэлем.

Может потому, что в то время читали в библейской школе Первую книгу пророка Самуила (*Первую книгу Царств*). Тот рассказ, в котором Бог зовет Самуила, а он не понимает. Может, меня привлекло то, что Самуил был избранным, только он слышал голос Бога. Может, я подумала, что в наше время эта книга так актуальна, потому что голос Бога легко тонет в информационном шуме из телевизора, радио и рекламы.

Папа обрадовался, когда я сообщила ему о своем решении, но задумчиво нахмурил лоб. Может, решил, что я назвала так сына в память об Исааке, ведь это тоже еврейское время, а об Исааке ему не хотелось вспоминать.

Поезд останавливается. Я перехожу на зеленую ветку к поездам в сторону Фридсхемсплана.

Самуэль с первых дней был трудным ребенком. Он рыдал беспрестанно. Мы с отцом по очереди укачивали его ночью, чтобы хоть кто-то мог поспать.

Я тогда не обратила на это внимания, думала, все младенцы такие. Мне было всего восемнадцать лет, у меня не было никакого опыта обращения с маленькими детьми. Но впоследствии задумалась, не проявлял ли он свой характер уже тогда. И не унаследовал ли он эти недостатки от меня: нетерпеливость, тягу к неприятностям, неудовлетворенность. Его, как меня, влекло к опасности, как мотылька влечет пламя.

Как и мою мать.

Но я обожала сына, и он обожал меня в ответ. Несмотря на то, что мы были неполной семьей, ненастоящей семьей, нам было хорошо вместе – мне, отцу и Самуэлю.

Проблемы начались у нас в детском саду. Самуэль кусал других детей. Самуэль отказывался спать в тихий час. Самуэль швырял еду на пол. Самуэль пинал воспитательницу.

Маленькие дети, маленькие проблемы.

С годами все стало хуже: прогулы, мелкие кражи, бесконечные беседы с встревоженными учителями и недовольными родителями.

Не могла бы я призвать сына к порядку?

Все это было моей виной. Любой нормальный родитель в состоянии научить уму-разуму своего хулиганистого отпрыска. Что тут сложного?

В то же время Самуэль был милым мальчиком, добрым, общительным, щедрым. У него было много друзей.

Но проблемы продолжались. И с годами я все больше убеждалась, что все дело в том, что ему передались наши грехи. Я унаследовала худшие черты матери и передала их Самуэлю.

Я вспоминаю слова отца.

Лицо ангела и сердце змеи.

Закрываю глаза и слушаю, как колеса стучат по рельсам, пока поезд пробирается по туннелям через Стокгольм. Здесь прохладнее, чем в нашем районе, и в тонкой летней блузе мне зябко.

У Бога есть план для каждого. Предназначение, миссия.

Нужно только понять, в чем это предназначение. Нужно внимательно слушать, когда Он позовет тебя, как позвал Самуила-пророка в том храме в Силоме.

Может, мое предназначение в том, чтобы помочь Самуэлю?

Отец выглядит неважно.

Он еще худее, чем во время моего последнего визита, кожа желтая, белки глаз тоже. Волосы, когда-то густые и красивые, давно выпали. На руке, к которой прикреплена капельница, большой налитый кровью синяк.

Я осторожно обнимаю его и сажусь к нему поближе.

Отец не боится смерти, это мое единственное утешение.

Но я боюсь.

Не знаю, как я справлюсь без него. Он – единственная семья, которая у меня есть, помимо общины. Это к нему я обращаюсь, когда мне нужен совет, или одолжить денег, или когда мне грустно.

Столько испытаний выпало на мою долю.

Мне стыдно за эти мысли. Как смею я – здоровая и сильная женщина – жалеть себя?

– Здравствуй, моя девочка, – говорит отец.

– Привет, – беру я его руку в свои. – Как ты себя чувствуешь?

– Не так плохо, как выгляжу, – бормочет отец. – Можешь

поднять спинку кровати?

Я поднимаюсь и надавливаю на педаль под больничной койкой, чтобы поднять спинку повыше.

Папа кривится от боли. Увлажняет языком сухие потрескавшиеся губы. На впалых висках выступает испарина.

– Спасибо, – благодарит он. – А вы как?

– Все хорошо, – неуверенно отвечаю я.

– Я хотел спросить, не могла бы ты заехать ко мне домой и проверить почту? – спрашивает отец и заходится мокрым кашлем.

– Конечно.

Я колеблюсь, тереблю край пледа, которым укрыты ноги отца, но наконец решаю рассказать всю правду:

– Я снова выгнала его из дома. Я уже не первый раз выгоняю его из дома, ты в курсе...

Отец кивает.

– Ему пора повзрослеть, Пернилла, – шепчет он.

– Это было три дня назад. С тех пор от него ничего не слышно. Не знаю, это так тяжело. Не знаю, как я выдержу...

Не в силах закончить фразу, я начинаю рыдать.

– Ты должна его отпустить. Он вернется.

Воцаряется тишина. Я вижу, как тяжело отцу дается каждый вздох.

– Разве можно отпустить ребенка? – спрашиваю я. – Разве это *позволено*? Какой родитель так поступает со своим ребенком?

– Ты должна. Пообещай, что не будешь ему звонить.

– Но...тогда я поступлю, как мама.

Папа дергается и заходится сильным харкающим кашлем.

Кажется, что грудь его заполнена гравием.

Приступ кашля проходит. Отец закрывает глаза и вздыхает.

– Вместо того, чтобы звонить, лучше молись за него. Это единственное, что ты сейчас можешь сделать.

Манфред

Бьянка Диас живет в уютной квартире, похожей на квартиру Туулы Ахонен, но поменьше и более скромно обставленной, на первом этаже пятиэтажного дома в центре Юрдабру.

Нас с Дайте она приглашает сесть за стол на кухне, а сама идет в гостиную. С нашего места за столом видно замотанную в целлофан коляску у стены.

Дайте видит мой взгляд, но сохраняет хладнокровие.

– Вам помочь? – кричу я Бьянке.

Бьянка возвращается с табуретом.

– Нет, – улыбается она. – Это беременность, а не инвалидность.

Дайте поднимается.

– Садитесь на стул, юная дама, – просит он, сам садясь на табурет.

Бьянка улыбается, пожимает плечами и послушно опускается на стул.

Я присаживаюсь, сжимая зубы от боли в колене.

Бьянке Диас двадцать лет, как и Юханнесу, но выглядит она совсем юной. Длинные волосы выкрашены краской медово-коричневого цвета. На концах светлее, чем у корней. Худоба резко контрастирует с огромным животом. Кажется, что она может родить в любую секунду, хотя я знаю, что до

родов еще месяц.

Что-то в ней напоминает мне Афсанех, когда она носила Надю, и сердце сжимается от боли.

– Мне очень жаль из-за того, что приключилось с Юхан-несом, – начинаю я.

Бьянка кивает.

– Да, это печально.

Голос у нее поразительно спокойный. Она не выражает никаких чувств, словно говорит не об отце своего ребенка, а о том, что стиральная машина сломалась или молоко закончилось.

– Как вы справляетесь? – спрашиваю я, глядя ей прямо в глаза.

– Справляюсь, – отвечает она. – Приходится. Разумеется, это трагедия, что он мертв. Ужасная трагедия. Но на него и при жизни нельзя было положиться. Я всегда знала, что не могу на него рассчитывать. Я работала в две смены и училась на биомедика, пока мы встречались. А он что делал? Помогал мне? Приносил деньги? Нет. Узнав о беременности, я поняла, что мне придется растить ребенка одной. А он все равно собирался в Бразилию: у него там какой-то приятель.

Она опускает глаза и накрывает живот рукой. Поглаживает живот, обтянутый мешковатой кофтой.

– Так вы не планировали растить ребенка вместе? – уточняет Дайте.

Бьянка качает головой.

– Юханнес не хотел ребенка, – отвечает она, переводя взгляд на окно, за которым цветет розовый куст. Губы вытягиваются в тонкую линию, и впервые на лице мелькает что-то, похожее на боль.

– Так как он отреагировал на новость о беременности? – спрашивает Дайте.

– Разозлился, – спокойно отвечает Бьянка, продолжая смотреть в окно. – Сильно разозлился.

Возникает пауза.

Мы с Дайте переглядываемся.

– Может, и хорошо, что так все вышло, – бормочет Бьянка. – Я не про то, что он умер, а про то, что я сама отвечаю за ребенка. Он бы все только испортил. Он всегда все портил.

– Ему кто-нибудь угрожал? – спрашивает Дайте, делая пометку в блокноте.

Бьянка хмурит брови.

– Угрожал? Нет, не думаю, что у него были враги. Но он у кого-то одолжил кучу денег. И сильно переживал, потому что не мог вернуть.

– Вам известно, у кого? – спрашиваю я. – Или о какой сумме идет речь?

– Понятия не имею. Я старалась знать как можно меньше о его так называемых сделках.

Я наклоняюсь вперед, ищу ее взгляд, но глаза у нее совершенно пустые, а лицо не выражает ни одной эмоции.

– Его мать сказала, что он стал законопослушным граж-

данином, — тихо добавляю я, — что он не был связан с наркотиками или криминалом, что...

Бьянка меня перебивает:

— Вы меня извините, — взмахивает она рукой, — но Туула чертовски наивна. Считает своего сына святым. Хотя наркотиков я у него не видела. Правда, не видела. Я бы его сразу бросила. Но *законопослушным* гражданином я бы его не назвала. — Она закатывает глаза и изображает пальцами знак кавычек. — *Нее...* Юханнес был кем угодно, но только не законопослушным гражданином.

Когда мы выходим на улицу, Дайте тяжело вздыхает и берет рукой за бороду. В глазах у него грусть.

— Какая печальная история, — вздыхает он. — От любви одни страдания. Никуда от них не деться. Сегодня ты влюблен, а завтра — стоишь с членом, зажатым в горячей вафельнице, и не можешь высвободиться.

Он поправляет короткие штаны и с опущенными плечами возвращается в машину.

Афсанех обнимает меня при встрече.

Несмотря на то, что я теперь работаю полный день, на обед я поехал в больницу. Главным образом ради Афсанех. Не думаю, что для Нади это имеет какое-то значение.

После разговора с подружкой Ахонена мы с Дайте поехали в центр. Высадив его у Полицейского управления, я про-

должил путь в больницу. По дороге позвонил другим детям. Альба не взяла трубку, но я поболтал с Александром и Стеллой. Рассказал о состоянии их сестры и спросил, как у них дела.

Все переживают за Надю. Все расстроены. Несмотря на разницу в возрасте со сводной сестрой, они ее обожают.

– Хорошо, – шепчет мне на ухо Афсанех. – Хорошо, что ты пришел.

Она выпускает меня из объятий и улыбается. Спина прямая, глаза блестят, на щеках появился румянец.

– Какие-то новости? – спрашиваю я.

Афсанех с энтузиазмом кивает и хватает меня за руки.

– Они собираются разбудить Надю. Врач так сказал. Начнут уменьшать дозу снотворного с завтрашнего дня.

– Это правда? – шепчу я.

Афсанех снова сжимает меня в объятиях.

– Она вернется, Манфред. Наша Надя вернется к нам.

Афсанех вся дрожит, и я не осмеливаюсь озвучить свои мысли. О том, что врачи все время пытались нам сказать.

Что произойдет, если открыть коробку с котом Шрёдингера?

Да, скоро станет ясно, мертв кот или жив. И что это переходное состояние, когда кот одновременно и жив и мертв, – только научная конструкция.

Как и в случае с нашим ребенком.

Только когда остановят подачу медицинских препаратов,

отсоединят провода и аппараты, только тогда мы узнаем, вернется ли Надя или покинет нас навсегда.

Разумеется, было бы лучше, если она очнется.

Но что, если нет?

Я предпочел бы видеть ее в отделении интенсивной терапии со всеми этими проводами, чем в гробу. Формула одновременно простая и чудовищная.

Но даже смерть можно рассчитать.

Мы какое-то время сидим у постели Нади.

На этот раз мы сидим по одну сторону больничной койки. Наши стулья стоят так близко, что я чувствую тепло от тела Афсанех.

Надя мирно спит, несмотря на все провода и приборы. Лицо умиротворенное, рот приоткрыт. На руке в гипсе кто-то красным маркером нарисовал птичку и сердце.

Я делаю глубокий вдох.

Не выношу больницы.

Это началось, когда Арон заболел. Он почти два месяца перед смертью пролежал в отделении для онкобольных детей.

Я навещал его каждый день.

Первые недели он хорошо реагировал на лечение. Набрался сил, мы выходили из палаты и даже из больницы. Однажды мы спустились в подвал. Там мы играли в догонялки. Я убегал, а Арон – догонял, с капельницей в руке.

Но потом к нему вернулась слабость. У него больше не

было сил вставать. Брат все время спал. Даже разговаривать с ним было трудно.

А потом он просто заснул.

Так он и ушел от нас. Тихо, без лишней драмы. Несколько дней он не приходил в сознание, и сердце просто отказало.

В одну секунду жив, в следующую – мертв.

После его смерти я стал ненавидеть больницы.

Мне не нравится запах больниц, хотя я без проблем посещаю отделение судмедэкспертизы, где действительно воняет. Но больничный запах – смесь дезинфицирующих средств, мочи и переваренной картошки – на дух не переношу.

Чувствуя этот запах, я возвращаюсь в детство. И снова переживаю то отчаяние, как тогда, когда мне было двенадцать.

Мобильный вибрирует в кармане пиджака.

Это Малин.

– Дорогая, мне нужно ответить на этот звонок.

– Хорошо, – быстро соглашается Афсанех, чем изрядно меня удивляет.

В голосе не слышно недовольства.

Я выхожу в коридор и отвечаю, одновременно роясь в карманах в поисках сигарет.

– Привет, – здоровается Малин. – Все в порядке?

– Да. Я заехал ненадолго в больницу.

– Слушай, тут кое-что произошло. Они нашли новое тело. Тоже завернутое в покрывало и обмотанное цепью. Можешь

подойти к двум?

Самуэль

Женщина, прибывшая на встречу со мной в гавани, на-помнила мне мать. Но она худее, и волосы у нее длиннее и темнее. Кожа бледная, почти прозрачная в ярком свете солнца. Вокруг глаз – сеточка тонких морщинок. Одета она в футболку и джинсы. Она пожимает мне руку и приветливо улыбается.

– Меня зовут Ракель, – сообщает женщина и немного на-клоняет голову так, что волосы падают на одно плечо.

– А я Самуэль, – представляюсь я и думаю, что, если бы не возраст, ее можно было бы назвать красивой.

Я заготовил речь, но во рту все пересохло, язык меня не слушается, и все умные мысли испарились.

– Как здорово, что мы сразу смогли встретиться. Может, пройдемся и поговорим по дороге?

Мы прогуливаемся по гравийной дорожке вдоль гавани. На причале мужчина сидит на мопеде с включенным двигателем и курит. Думаю, ждет паром «Ваксхольмсботен», который заходит и в Стувшер. На багажнике сидит девочка с мороженым в руке. Мороженое почти растаяло и капает ей на кофту и на землю.

На солнце почти жарко. Небо ярко-синее и чистое. Но стоит нам зайти в тень деревьев рядом с продуктовым магазином, как сразу становится прохладно и влажно.

– Сколько тебе лет, Самуэль? – спрашивает Ракель явно без злого умысла. Видно, что ей просто любопытно, в отличие от мамыши, которой всегда кажется, что я от нее что-то скрываю. Например, что я тайком собираю бомбы или смотрю педофильскую порнушку.

Я рассказываю, что мне восемнадцать, что я взял «перерыв» в учебе в гимназии и ищу работу. Потом мы болтаем о моем опыте работы. Здесь я, признаюсь, привираю. Говорю, что подрабатывал в «Медиа Маркте», что близко к правде, и тренировал детскую команду по футболу, что, естественно, откровенная ложь.

Мы выходим на возвышенность.

Ракель показывает на гладкие камни в форме гигантского языка, уходящего в воду.

– Идем! – кричит она, перепрыгивает через канаву и идет через траву, не дожидаясь ответа.

Я иду следом, и мы присаживаемся в паре метров от воды.

Камень теплый и шершавый под джинсами. То и дело ветер подхватывает соленые капельки и швыряет нам в ноги. Вскоре идет большая волна, и мы пересаживаемся подальше от воды, чтобы не промокнуть.

В расщелине между камней видно пустые пивные банки, ветер гонит мимо старый окуроч. – Смотри какая красота! – восклицает Ракель.

Я киваю и устремляю взгляд в даль.

Да, тут неплохо, но еще лучше было бы перекусить. А де-

нег у меня нет. Я уже два раза заходил в магазин, чтобы спереть бутерброды. Не стоит больше испытывать удачу.

К тому же у них там странные бутерброды – с авокадо, хумусом и тофу.

– Это одно из преимуществ жизни в этих местах, – продолжает Ракель. – Близость к природе. Море.

Она закрывает глаза и поднимает лицо к солнцу.

– Так почему ты заинтересовался этой работой? – спрашивает она. – Здесь ничего не происходит. Молодому парню будет скучновато.

Этого вопроса я не ожидал.

– Мне нравится покой, – отвечаю я уклончиво.

– Хорошо, – кивает Ракель. – Очень хорошо.

Она затихает, а меня посещает мысль: может, она тоже ждет от меня вопросов, ждет проявления интереса к так называемой работе.

– Так что не так с вашим сыном? – спрашиваю я, подбираю камушек и запускаю в воду.

Он делает несколько блинчиков и исчезает в морской глубине.

– С Юнасом произошел несчастный случай два года назад. Черепно-мозговая травма. Он много месяцев провел в больнице, но потом мы с Улле, моим партнером, решили взять его домой. И тогда начался цирк.

Ракель замолкает и поджимает губы.

– Цирк?

Она кивает.

– У Юнаса за три месяца сменилось десять помощников. Они не могли с ним сработаться. А коммуна не желала сотрудничать. И мы решили сами заботиться о нем.

– Вы и папа Юнаса?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.